

[Polaris]

МЕСС-МЕНД -

ВОЖДЬ
ГЕРМАНСКОЙ
ЧЕКА

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXLIX

Salamandra P.V.V.

МЕСС-МЕНД — ВОЖДЬ ГЕРМАНСКОЙ ЧЕКА

Сборник

Salamandra P.V.V.

Месс-Менд – вождь германской Чека: Сборник. Подг. текста и комм. М. Фоменко. – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 102 с. (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CXLIX).

В сборник вошли два редких образчика агитационной коммунистической фантастики 1920-х годов – «Месс-Менд – вождь германской Чека» Рена Т. Марка (К. Ландау) и «Новая мировая война» А. Рифлинга (А. Меньшого-Гая), а также связанные с «Новой мировой войной» материалы.

Рен Т. Марк

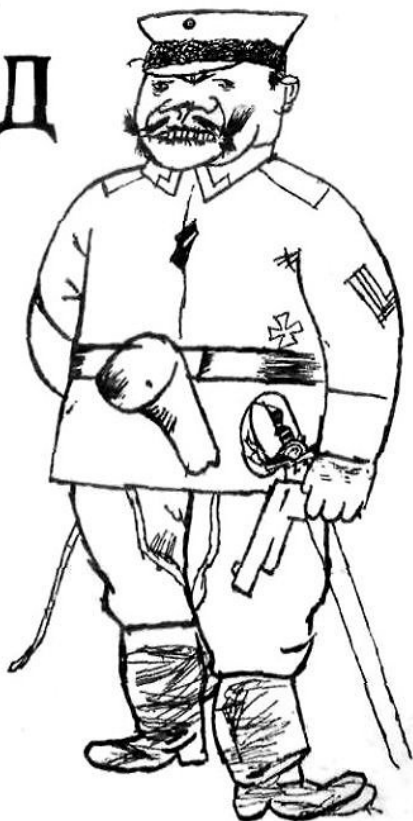
**МЕСС-МЕНД –
ВОЖДЬ ГЕРМАНСКОЙ
ЧЕКА**

РЕН. Т. МАРК

МЕСС- МЕНД

ВОЖДЬ ГЕР-
МАНСКОЙ ЧЕКА

■

■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 17

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
МОСПОЛИГРАФА * МОСКВА

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Общественное мнение трудящихся всего мира взволновано было провокационным актом германского правительства — процессом «германской чека» в Лейпциге.

Немецкий коммунистический журналист Рен. Т. Марк в остроумной сатире жестоко высмеивает жестокость и усердие германской полиции, создающей несуществующие заговоры и выдумывающей пинкертоновскую чертовщину для того, чтобы посадить на скамью подсудимых немецких коммунистов. Для этого он воспользовался ироническо-авантюрной формой русского приключенческого романа «Месс Менд», имевшего в Германии большой успех.

Когда читатель будет смеяться над очками, превращающимися в лифт и кроликом, «начиненным бациллами», пусть он не забывает, что за галиматью, подобную этой, немецкое «демократическое» правосудие отправило в тюрьму ряд коммунистов.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Уже несколько месяцев перед этим германские буржуазные и меньшевистские газеты стали распространять слухи, что в германской коммунистической партии существует террористическая группа, так называемая «Чека», которая по заданиям центрального комитета партии организует, якобы, покушения на видных буржуазных политических деятелей.

Газеты сообщали, что было намечено убийство крупнейших германских промышленников, командующего войсками генерала Секта и др.

Ныне слушающееся дело является одним из этапов целого периода борьбы буржуазии с компартией.

Рабочие волнения в Германии в октябре 1923 года сильно напугали германскую буржуазию, поставив ее перед возможностью коммунистического переворота. Буржуазия принимает срочные меры: она подкупает и вводит в коммунистическую партию ряд провокаторов. Организация этих провокаторов работает параллельно с агентами полиции, подчас даже конкурируя и враждуя с ними. Для того, чтобы держать буржуазию в постоянном страхе, провокаторы не скупятся на измышления о зверствах выдуманной ими «ЧК» и не останавливаются даже перед убийствами и членов своей же организации, которые им почему-либо становятся на дороге. Так, ими был убит известный полицейский шпион и провокатор-парикмахер Рауш. Это убийство и было положено в основу ныне разбирающегося дела. Буржуазия воспользовалась им для того, чтобы спровоцировать коммунистическую партию и лишней раз оклеветать ее.

Но буржуазные судьи на этот раз просчитались.

По плану, задуманному буржуазией, главный обвиняемый — провокатор Нейман, должен был на суде выступать в роли коммуниста и главаря этой пресловутой «ЧК». Но во время допроса об организации покушения на генерала Секта Нейман вдруг заявил, что в действительности он вовсе не собирался допустить убийство. Точно такие же заявления были им сделаны и во время допроса об организации других покушений. На вопрос председателя, почему он об этом не заявлял на предварительном следствии, Нейман отвечает: «Боялся коммунистической партии. Коммунисты уже давно подозревали, что я провокатор».

Когда защита задает ему вопрос, почему он боялся говорить об этом на предварительном следствии, а теперь не боится открыто предать коммунистическую партию, Нейман путается в объяснениях и, в конце концов, заявляет: «Я не предал бы коммунистической партии, если бы меня не заклеили, как шпиона».

Признание Неймана вызывает недовольство председателя суда и прокуратуры, ибо оно разрушает их планы.

Главная опора буржуазного суда — Феликс Нейман разоблачил сам себя. Провокация не удалась.

ЗАЧЕМ Я ПИСАЛ?

Я позволю себе предупредить читателей: это введение я пишу для того, чтобы сообщить вам историю возникновения этой книжки и привести доказательства правдивости моего рассказа. Он построен на чистой правде. Теперь у нас совершенно не остается времени на романтические приключения; наше свободное время, которое мы отдаем на удовольствия, так полно всяких обязанностей — то мы должны пойти в театр, то нас ожидает концерт или званый вечер — одним словом, мне не приходится доказывать вам, как сильно надоедают германским рабочим удовольствия и развлечения. В этой книге я обращаюсь к ним. Я не отниму у вас драгоценного времени, но вы должны меня выслушать. Речь идет о вашем собственном благополучии. Дело касается важных вещей

На чем я остановился? Да, на истине. Мне хочется вам сообщить, что в долгие жуткие бессонные ночи я мучился над вопросом о том, должен ли я рассказать о происшедших в последние месяцы в Германии ужасных, волнующих событиях. Они происходят и в настоящее время! Я мучился над тем, имею ли я право нарушить мир и покой вашей жизни. Наконец, — поверят ли мне? Не отнесутся ли к моему рассказу, как к вымыслу больной фантазии?

Вы должны мне поверить, и вы мне поверите. Разрешите мне вам представиться. Моя фамилия Марк: я фашист, германский патриот, борец за то, что только немецкая нация действительно истинная и значительная. Вдохновенный почитатель генерала фон Секта. Неужели я все еще не добился нашего доверия? В

таком случае я постараюсь рассеять последние сомнения и скажу вам, что я готов привести какие угодно доказательства правдивости моего рассказа. Эти доказательства были проверены высочайшими инстанциями самым тщательным образом и признаны заслуживающими полного доверия. Слушайте: высшие судебные органы в Германии вынуждены были оказать полное доверие моему рассказу. Их незаинтересованность, проницательность, мудрость и ловкость не вызывают никаких сомнений. Однако, из вполне понятных соображений, высшие инстанции медлили предать широкой огласке результаты своих исследований и подробности этих событий. Помимо этого, они, несомненно, боялись, что с этих пор всякий мужчина, всякая женщина, всякий ребенок в Германии утратят сои и покой, если услышат, какие ужасающие преступления могут происходить ежедневно здесь, в центре Европы, на глазах лучшей в мире милейшей полиции, и что преступники находятся на свободе. Но я предупреждаю вас, мы бродим вслепую на краю обрыва, миллионы людей обречены на смерть, на ужасную, мученическую смерть, жизнь нашей любимой родины в опасности!

Я должен рассказать вам все по порядку. Будьте хладнокровны, подумайте о том, что вы можете найти защиту и спасение, если будете в курсе преступных планов и целей, направленных против вас и против всех нас, и не читайте эту книгу на ночь.

ЛЕТАЮЩИЙ АВТОМОБИЛЬ.

Холодный, туманный октябрьский вечер. Тонкими нитями моросил дождь, окутывал Берлин мокрой шалью; казалось, город содрогается от холода. Одиннадцать часов вечера. Люди выходили из театров и с концертов и торопились к автобусам и трамваям, дрожа и щелкая зубами от холода, чтобы поскорее очутиться в своих теплых квартирах, полицейские спасались от холода, но твердое сознание своих обязанностей удерживало их на постах; с образцовым героизмом, не обращая внимания на грозящую опасность, они следили за движением и сутолокой. Они утешали себя тем, что в течение дня уже произошло два крушения на городской железной дороге, четыре несчастных случая с автобусами и десять столкновений, и это давало им надежду, что они, по всей вероятности, проведут спокойно те несколько часов, которые оставались до следующей смены, однако храбрые полицейские не могли убаюкать такими же надеждами свои урчащие животы, они бунтовали, не соглашались ни на какие доводы, и полицейский Мюллер, стоявший на посту на углу Линденштрассе и Вильгельмштрассе, даже поймал себя на преступной мысли, что, в сущности, мало вины было со стороны тех женщин, которые в послеобеденное время обокрали несколько хлебных лотков на Гаккенском рынке и, в виде десерта, получили за это несколько синяков. Да, такая собачья погода иногда влечет за собой неприятные последствия. Полицейский Мюллер вздохнул, покраснел со стыда за свои предательские мысли и начал усердно глотать слюну, чтобы заглушить глупый голод.

Тишина и запустение на Вильгельмштрассе. Редкие огни распространяли слабый свет, освещенными были только небольшие кружки вокруг них; вся улица была погружена в полный мрак.

Медленно, осторожно выступил из тьмы человек, несколько раз оглядел улицу, посмотрел направо и налево и медленно пошел по Линденштрассе.

Я не поэт и не люблю, когда в рассказ вводятся сенсационные трюки. Я не хочу испытывать ваше терпение. Я надеюсь, что вы догадаетесь, кто этот человек, бродивший в дождливую ночь по Вильгельмштрассе, если я расскажу вам, что он был молодым великаном, его тонкое, одухотворенное лицо говорило об уме и энергии, а сияющие, голубые глаза — о доброте и истинно немецком идеализме, и шел он тем эластичным шагом, который столько раз восхвалял «Локальанцейгер». Я надеюсь, вы уже догадались, кто он.

Юный рейхсканцлер с трудом оторвался от своей работы, над которой сидел в течение долгих часов. Ему необходимо было поразмяться, прежде чем снова взяться за работу. Рейхсканцлер был в плохом настроении. «Я не знаю покоя в течение долгих недель и месяцев», — подумал он, — «приношу в жертву мои нервы, мое здоровье, все мои помыслы и не встречаю признания и похвалы. Мои монархистски настроенные друзья считают мою медлительность трусостью и неуверенностью. Они настаивают на том, чтобы я скорее приступил к созданию обещанного королевства. Нетерпеливый кронпринц уже начинает первые атаки в цирке Бреславля и его жена мучит его, требуя, чтобы он устроил первый придворный бал в Белом зале. Мои прежние друзья из коалиции центра настроены недружелюбно по отношению ко мне, так как некоторые концерны, в которых они заинтересованы, остались

ни с чем при раздаче Рура. Фактически, верной по отношению ко мне остается только партия социал-демократов. Но к чему это, когда коммунистическая партия все время растет и крепнет? Этих молодцов, действительно, нельзя уничтожить. Даже самый раскол им не повредил. За ними находится большая и таинственная сила, и ее опасность не может охватить мой мозг, несмотря на то, что замечательные предложения по организации розничной продажи пива в Германии принадлежали ему».

Погруженный в глубокие размышления, выдающийся покровитель германской розничной торговли пивом хотел повернуть обратно, чтобы возвратиться в министерство иностранных дел, как вдруг — произошло что-то странное. Сначала в воздухе раздался звук, похожий на шум пропеллера. Неужели это аэроплан находился в пути в такой поздний час? Рейхсканцлер инстинктивно поднял голову. Ничего — черная мгла. Но шум неожиданно перешел в своеобразное шуршание. И снова в воздухе прозвучало так, как будто какое-то большое тело пробивает себе дорогу по воздуху с страшной быстротой. Прежде, чем рейхсканцлер успел собраться с мыслями и определить странные шумы, из ночного неба вертикально упал на землю автомобиль, перевернулся, как кошка, которую выбрасывают в окно и которая, как известно, всегда падает на ноги, и остановился прямо перед рейхсканцлером. Это была большая, крытая машина, ее внешний вид совершенно не выдавал ее своеобразной конструкции. Не было видно ни пропеллера, ни крыльев — обыкновенный автомобиль, похожий на все остальные, и только его окраска — ярко-алая, от которой исходило сияние — обращала на себя внимание.

Автомобиль остановился; человек в кожаном ко-

стюме отворил дверцы и спрыгнул на мостовую. Он потянулся так, как потягивается человек, вынужденный долго сидеть на одном месте, и снял шапку — при свете ближнего фонаря рейхсканцлер увидел отталкивающе-уродливое лицо. Его лоб пересекал ярко-красный рубец; от этого рубца создавалось такое впечатление, как будто голова была рассечена на две части и только впоследствии снова составлена. Взъерошенная борода обрамляла бледное лицо, которое дышало необузданной дикостью от пары мясистых, вздутых губ.

Человек быстро натянул на голову свою автомобильную шапку, как будто ему было неприятно, чтобы его кто-нибудь увидел, вынул часы и поставил их под свет фонаря.

— Одиннадцать часов, пять минут, 25 секунд, — сказал он, — мы опять опоздали на пять секунд, Петров.

Тот, которого называли Петровым, человек у руля, пробормотал извинение.

— Семь секунд опоздания при таком кошачьем прыжке, как из Москвы в Берлин. Это неслыханно. Что я должен думать?

Но прежде, чем Петров успел ответить, снова открылась дверца и из автомобиля выскочила молоденькая девушка. Она была одета в такой же автомобильный костюм, но так как на ней не было шапки, ее лицо оставалось открытым.

Рейхсканцлеру показалось, что он никогда в жизни не видел еще до сих пор такой красивой женщины. Черные, коротко стриженные волосы обрамляли личико, на котором горели сдержанным пылом и страстью глаза и кокетливо и плутовски торчал вздернутый носик. Она казалась тонкой, как юный мальчишка, типа американской спортсменки. Большой брил-

лиант, величиной с огромные часы на банте нью-йоркского государственного совета, заблестел на руке, когда она ударила по плечу уroda.

— Успокойся, Макс, мы нагоним семь секунд по дороге в Штуттгарт.

— Тогда едем, а ты, Антон, — человек наклонился к дверце и сказал вглубь автомобиля, — ты явишься завтра в восемь часов на обсуждение со всеми бумагами и документами, которые нам нужны. И не забудь взять с собой чек. 710 миллионов марок золотом. Едем.

Тот, которого называли Антоном, вышел из автомобиля. Это был обросший волосами человек, который больше походил на обезьяну, чем на человека. Его худые и длинные руки почти касались земли. Он выкарабкался на улицу, потом обернулся, поднял из глубины автомобиля большой мешок и швырнул его на мостовую. Может быть, это было только из-за неверного света, — канцлеру показалось, как будто что-то зашевелилось в мешке, и вслед за этим раздался тяжкий, сдавленный стон. От этого стога у господина рейхсканцлера прошла волна ужаса по спине, и он почувствовал, как зашевелились волосы на его голове. Через несколько секунд его сердцебиение улеглось.

В течение этих нескольких секунд произошло следующее: молодая девушка поцеловала горбуна в лоб, схватила урода об руку и втянула его в автомобиль. Человек, сидящий у руля, надавил рычаг и автомобиль взвился ракетой прямо в ночное небо.

Прежде, чем канцлер успел опомниться, исчез автомобиль, и от горбуна не осталось и следа. Как будто сквозь землю провалился. Если бы не мешок, который лежал на мостовой, рейхсканцлер принял бы все, что он только что видел, за дикий сон.

Канцлер вырвался из своего оцепенения и осторожно приблизился к мешку. Он не был завязан. Канцлер толкнул его носком, он откатнулся на несколько шагов в сторону — показалась голова мужчины: бледное лицо, белокурые, выющиеся волосы, глаза широко раскрыты и пристально смотрят на канцлера. Но вокруг его рта трепещет ужасный смех и все лицо скошено в дьявольскую гримасу.

— Встаньте! — говорит канцлер, и напрасно старается придать своему голосу твердость. — Встаньте же! Вы ведь не погибшая часть немецкой национальной партии рейхстага. Что вы делаете в мешке?..

Человек не пошевелился, его глаза раскрыты — он скалит зубы.

В это время проходит полицейский патруль. Один из полицейских нагибается, хочет помочь человеку встать на ноги; но человек мертв. Те несколько шагов, которые отделяли канцлера от его министерства, он пробежал так, как будто за ним следовали по пятам. Теперь ему все было ясно. Несомненно, автомобиль, который он видел, был каретой известного отряда Чека. По сообщениям его надежной политической полиции, такая группа уже давно работала в Германии, и теперь, по всей вероятности, подготавливала новое ужасное преступление против государственной безопасности Германии. Подслушанный разговор раскрыл загадку, каким образом удалось членам русской Чека в сравнительно короткое время переменить арену своих преступлений, несмотря на превосходно поставленное дело пограничного контроля и запрещения на въезд. Когда рейхсканцлер вернулся в министерство, он бросился к телефону. «Полицейское управление!» — прокричал он, задыхаясь, — «полицейское управление Александерплатца!».

Когда у телефона ответил дежурный, и рейхсканцлера соединили с отделением И. Д., он снова обрел свое обычное спокойствие и уверенность. Он сделал краткое сообщение о том, что пережил, руководителю политической полиции, который, как и всегда, находился в отделении.

— Случайно я имел возможность проследить только что новое преступление, организованное, по всей вероятности, отрядом Чека, которую вы так блестяще обнаружили. Из одного автомобиля новейшего образца был только что выброшен труп на Вильгельмштрассе. Случай дал мне возможность подслушать, что автомобиль продолжает свой путь в Штуттгарт. Мы должны разыскать автомобиль. Несомненно, второй такой же машины не существует. Постарайтесь выполнить это дело, от этого зависит ваша карьера.

— Штуттгарт? — государственный советник тихонько засвистел в телефон. — Вы говорите, Штуттгарт был конечным пунктом?.. Да ведь на завтра там назначен конгресс отделений артиллерии и одиночных талантов коммунистических сотен центральной Европы.

Разговор прервали. Рейхсканцлер снова попытался соединиться с отделением. Напрасно. Из полицейского управления не было никакого ответа. Канцлер потребовал центральную.

— С полицейским управлением испорчены все провода, — ответила дежурная барышня. Через пять минут он, наконец, добился соединения; к телефону подошел секретарь государственного советника.

— Господин государственный советник час тому назад ушел на расследование нападения, господин рейхсканцлер, я не могу вас соединить с ним.

— Но ведь я только что с ним говорил, нас прервали.

— Очень прошу извинить меня, господин рейхсканцлер, но это совершенно невозможная вещь. Когда вы пожелали говорить с господином государственным советником, я соединил вас вначале с его комнатой, но сейчас же установил, что там никого не было. Господин государственный советник час тому назад ушел домой.

— Черт вас дери, с кем же я в таком случае говорил?

— Месс Менд, — отозвалось из трубки вместе с таким смехом, что рейхсканцлер в ужасе выпустил из рук трубку и инстинктивно ухватился за стоящую всегда наготове бутылку пива.

ТАЙНА ИНДУСА.

Отель «Маркарт» — самый знатный отель в Штуттгарте. Пушистые ковры устилают широкие залы и заглушают громкие звуки. От всего дома веет роскошью и изысканностью, и как только приезжий переступает порог отеля, он сразу погружается в теплую, благоухающую ванну. Портье в блестящих ливреях следят за удобствами каждого гостя и как восточные рабы бросаются на каждый кивок, на каждое движение, чтобы пребывание в отеле было как можно приятнее для путешественников. Огромные зеркала отображают зал с небольшими столиками, за которыми умирают от тоски элегантные счастливые люди, с бесконечной усталостью потягивая свой дорогой кофе. Кельнеры в белых фраках бесшумно перебегают от стола к столу, приносят серебряные подносы с изысканными блюдами — тончайшими, отборнейшими лакомствами, настоящей поэзией поваренного искусства. Девять часов утра, гости сидят за завтраком.

Перед отелем останавливается автомобиль. Из него выходит господин в дождевом плаще. За ним следует второй, моложе на вид, очевидно, его секретарь. Слуга, сидевший рядом с шофером, срывается со своего места и хватает маленький дорожный несессер своего господина, из отеля спешит слуга и хочет снять с автомобиля плед и дорожный саквояж прибывшего. Но последний передает ему только свой портфель.

— Спасибо, о чемодане позаботится мой слуга. — Медленными шагами он входит в отель в сопровождении своего секретаря.

В бюро он снимает шляпу, на лоб спадают длин-

ные, белые шелковистые волосы. Волосы и белая борода составляют своеобразный контраст с юношеским бронзовым лицом, подернутым нежным румянцем. Высокий лоб мыслителя, медлительные, усталые движения свидетельствуют о большой знатности прибывшего.

— Мое имя профессор Манаратма Номи. Я телеграфно заказал из Лондона три комнаты.

— Очень хорошо, господин профессор, мы приготовили для вас квартиру в первом этаже.

— Вот мой паспорт, пропишите, пожалуйста. — Легкий кивок головы, профессор идет к лифту в сопровождении своего секретаря.

По паспорту профессор родился в Дегли, ему сейчас шестьдесят пять лет, и он предпринимает научное путешествие в Бразилию вместе со своим секретарем, двадцатипятилетним индусом из Калькутты, по поручению географического общества объединенного королевства Ирландии и Великобритании. Это дипломатический паспорт, в котором лондонское министерство иностранных дел обращается с просьбой ко всем правительствам оказывать профессору всевозможное содействие.

Приемочное бюро едва успело внести новоприбывших, когда вошли два господина и пожелали видеть профессора. Оба в автомобильных костюмах и больших предохранительных очках.

— Разрешите узнать ваши имена, господа?

— Доложите, д-р Бьянки из Рима и маркиз Дюбуа из Парижа.

Проходит несколько минут.

— Профессор просит.

Вскоре к профессору снова пришли гости. Два господина и одна дама. Все трое были одеты просто,

почти бедно, их можно принять за мелких служащих, может быть, даже за рабочих.

Служащие бюро обмениваются насмешливыми, изумленными взглядами. Как сюда попали эти люди? Мальчик у лифта взглянул на них с комическим пренебрежением, и только после того, как профессор дал знать по телефону, чтобы к нему привели гостей, и портье предложил ему поднять наверх их милость — портье произносит это слово с тонкой иронией — маленький мальчишка у лифта выпрямляется так, как будто он хочет посмотреть через плечо на обоих высоких мужчин.

— Что за гостей принимает профессор? — любопытное общество!

— Ах, может быть, это люди, которых он вербует для своей экспедиции, носильщики или что-нибудь в этом роде.

На этом бы, пожалуй, закончился и был забыт этот маленький инцидент, если бы в этот самый момент не произошло одно странное событие, которое, естественно, нарушило приличие, порядок и покой отеля совершенно своеобразным образом, в чем мы сейчас убедимся.

На середину зала большими прыжками выскочило белое животное, которое в первую минуту показалось всем кошкой. Но когда зверек остановился на несколько секунд посреди зала, все увидели, что это был кролик. Этот кролик был редкой величины и совершенно особенной породы. Его длинные уши, которые он теперь наострил, были похожи на уши осла. Глаза были зеленого цвета и светились странным, колющим блеском. Как заколдованный человек, кролик внимательно обвел своими зелеными глазами длинный ряд гостей, встал на задние лапки и с бесконечно

грустным взглядом скрестил передние лапки на белом животе. Некоторые из гостей засмеялись.

— Какой милый зверек!

— И как хорошо выдрессирован.

— Откуда он появился?

Вокруг кролика образовался кружок любопытных, одна маленькая девочка пыталась подзвать его к себе листком салата, а сын английского консула — четырехлетний мальчуган — протянул ему кусочек хлеба.

Но как только девочка попробовала приласкать кролика, он сделал такой дикий прыжок по направлению к ней, что она споткнулась и упала. Испуганная мать начала утешать плачущую девочку, круг любопытных разомкнулся, кролик носился, как бешеный, по всему залу, вскочил на стул, со стула на стол, со стола на шляпу почтенной дамы, с шляпы на лысину высокого господина, у которого от этого сделался удар и он немедленно умер, перескочил одним прыжком через три стола, сбросил несколько чашек и тарелок, которые со звоном разбились, и уселся, наконец, на драгоценной вазе, которая стояла на подставке в углу зала.

Всеобщий испуг, писк и хихиканье, девочка всхлипывает, вокруг нее суетится мать, все говорят, зовут друг друга, сбежались кельнеры и беспомощно стоят вокруг вазы, на которой все еще восседает кролик. В этот момент раздается продолжительный резкий свист. Кролик вздрагивает, бросается вниз с подставки и быстрее ласки мчится между гостей, они с криком и писком разбегаются во все стороны, а кролик мчится к лестнице. На лестнице стоит секретарь профессора из Англии. Он все еще одет по-дорожному и в руках у него маленький чемодан профессора. Он раскрывает его, и кролик прыгает стремглав в чемодан. Молодой человек сейчас же его замыкает и оборачивается с

легким поклоном к озадаченным гостям. У него мягкий и мелодичный голос.

— Я очень прошу извинения за причиненное вам беспокойство. Это было невоспитанно со стороны всегда доброго и хорошо воспитанного зверька. — Он снова поклонился и побежал наверх по лестнице.

В элегантном салоне, который занимает индусский профессор, горит электричество, несмотря на предобеденный час. На окнах заботливо сдвинуты толстые шторы так, чтобы ни один луч света не мог проникнуть в комнату. Вокруг большого овального стола лениво развалились в широких креслах посетители, с которыми мы уже имели часть познакомиться. В конце стола пустует большое кресло, как будто оно оставлено для председателя этого маленького собрания. На другом конце стола сидит профессор на низкой скамеечке, скрестив по-восточному ноги. Теперь он в мягком, широком халате из белого шелка, скрепленного у пояса драгоценной жемчужной цепью. В центре стола возвышается странное сооружение. Оно выглядит, как большой стеклянный колокол, опрокинутый на мраморную плиту. Под колоколом мечется что-то черное. Это маленькая крыса.

— 9 часов 30 минут, мы можем начинать, — говорит Бьянки. — Мы все в сборе.

— Он будет сегодня? — спросил один из рабочих, которые пришли последними.

— Что у тебя всегда за вопросы? — красный рубец на лбу Бьянки — вы, конечно, сразу угадали, что это человек из летающего автомобиля, превратившийся из мрачного Макса в изящного итальянца — красный рубец начал угрожающе наливаться. Разговоры немедленно стихли.

— Мы еще должны подождать Машу, — робко заме-

тил Дюбуа, но сейчас же прикусил язык, как будто он испугался, что сказал слишком много, и виновато опустил красивую голову под злым взглядом Бьянки.

— Я уже здесь, — прозвучало с потолка, и по тонкой веревочной лестнице, которую до сих пор никто не замечал, спустился молодой индус — секретарь профессора, гибким движением соскочил на землю, легко провел рукой по волосам, сложил веревочную лестницу в виде записной книжки, сорвал маску — у стола рядом с большим председательским креслом заняла место Маша, красивая девушка, с которой мы познакомились ночью на Вильгельмштрассе. Она постучала карандашом по столу.

— Менд Месс, — сказала она.

— Месс Менд, — ответили хором присутствующие.

— Повторим наш лозунг, чтобы Е. Р., где бы он сейчас ни находился, знал, что мы думаем о нем, что мы останемся верными нашему долгу в настоящей и будущей жизни.

Маша встала, встали и все присутствующие, и хором произнесли дикое, воинственное заклинание.

«Мы мстим, убиваем, отраву шлем,
Шпалерами к смерти ведем, ведем.
Клянемся плодить бациллы чумы,
Холеры и тифа в брюхах Германии.
Преступленья, убийства, хаос — пока
Пуля и мор не сметут врага.
Проклятие, смерть ненавистным, им, —
Мы, Чека белого кролика. — Аминь».

— Слово принадлежит товарищу Номи.

Профессор поднялся, облокотился своими узкими руками о стол и начал:

— Товарищи. Мы получили его приказ. Существовавшие до настоящего времени небольшие плантации бацилл больше не отвечают возрастающим требованиям. Необходимо расширить дело разведения бацилл. Необходимо завоевать для этого дела новую территорию и расширить культивирование бактерий, Лебединый остров свободен. Этот остров со всех сторон омывается пресной водой и чрезвычайно удобен для наших целей. По нашему поручению товарищ должен немедленно начать переговоры о том, чтобы остров перешел в наше распоряжение, с центром германской социал-демократической партии, которая в настоящее время является наследницей имений Барматта. Такие условия, как передача вместе с островом безработных рейхсканцлеров или отвергнутых делегатов в качестве лакеев или садовников, совершенно неприемлемы. Мы должны усердно работать, Маша, мы должны выполнить отдаваемые нам приказы в течение нескольких часов.

Профессор сделал легкий поклон. — Мы постараемся их выполнить в еще более краткий срок — с задержкой на две минуты.

По собранию пробежал изумленный шепот.

— Товарищи, наши упорные труды увенчались блестящим успехом. Я горжусь тем, что могу продемонстрировать перед вами мое изобретение. Я привез его в Германию для того, чтобы дать вам возможность, товарищи, так как вы должны положить начало борьбе, чтобы дать вам возможность немедленно испробовать их на практике.

— Браво.

— Вы видите здесь стеклянный колокол, под которым находится крыса. Как видите, я подвожу под колокол молоточек — так. Теперь обратите внимание:

вы видите, крыса бодро бежит по мрамору, через это отверстие проникает достаточное количество воздуха. Теперь я произвожу удар молоточком по стеклу. Молоточек отскакивает — раз, два, три — вы видите, крыса исчезла. Она не издохла, не задохнулась, от нее не осталось никакого следа.

— Что же, собственно, произошло? Постараюсь объяснить вам вкратце. Как вы знаете, в каждой религии, в сказках и легендах, мы часто сталкиваемся с волшебным словом. Если его произнести, оно может навлечь на человека смерть или вернуть ему жизнь, принести ему счастье или несчастье. В основе этой легенды лежит самая реальная действительность; однако, самый секрет затерялся в тысячелетиях. Дело заключается вот в чем. Каждый звук образуется из звуковых волн; эти волны могут быть различной плотности и силы, помимо этого, они могут оказывать различное действие на окружающую их среду, в зависимости от того, в какое слово соединяются отдельные звуковые элементы. Если найти правильное соединение звуков, возникают звуковые волны, которые могут совершенно разрушить живой организм. Материя разлетается, тело распадается на свои составные атомы и распускается в воздухе, как сахар в воде.

— Следовательно, вы нашли такое разрушительное соединение? — спросил Бьянки.

— Конечно.

— Действует ли оно на все живые существа определенной местности или только на определенные личности? И на каком расстоянии?

— Расстояние зависит от силы, с которой произносится слово. Я полагаю, что можно будет сконструировать такие аппараты, такие громкоговорители, которые смогут рассылать разрушительные звуковые

волны на расстояние от ста до ста пятидесяти километров. Один из таких аппаратов уже прибыл в Берлин и будет скоро пущен в действие. Что же касается действия, то оно распространяется на всех людей, за исключением работников ручного и умственного труда, и вне всякой зависимости от величины состояния. Совершенно смертельно действует такое слово на директоров банков, министров, фабрикантов, акционеров, короче говоря, на всех, у кого подвергся дегенерации самый состав мозга и селезенки, вследствие их образа жизни. Дегенерация селезенки и мозга — это важнейшее условие для успеха нашего эксперимента.

— А слово? Что это за слово?

— МАДЗУ, — тихо произнес профессор. — Это значит по-индусски кролик.

Несколько минут царило молчание.

— Надо помнить самое существенное: от них не остается никакого следа, — заметила женщина, пришедшая вместе с рабочими, и ее лицо покрылось легким румянцем, а губы задрожали от волнения.

— Совершенно верно, — подтвердил Бьянки, — не остается никакого следа. Действие слова распространяется не только на живые существа, но и на предметы. Теперь, после того, как это уже совершено, я довожу до вашего сведения, что с помощью нашего нового изобретения мы изъяли из германской государственной казны деньги, от которых, как известно, ничего не осталось. Поэтому, я полагаю, что мы можем предложить нашему владыке руководителю назначить послезавтра решительное сражение. Мы не хотим дольше ждать. Все на посту. Остальные приготовления можно закончить в двадцать четыре часа.

Макс больше не слушал. Он вынул уже известный нам желтый кошелек, который он постоянно носил

при себе, как и все члены отряда, положил его на стол и вынул маленький, тонко сделанный радиоаппарат, с помощью которого немедленно передал принятые резолюции наиболее значительным союзным отрядам вплоть до индийского, гренландского и островов Огненной Земли. Остальные члены собрания последовали его примеру, с той только разницей, что установили свои аппараты для принятия радиogramм. Через несколько минут отовсюду пришли извещения, что телеграмма получена. Только жители островов Огненной Земли выразили сожаление по поводу того, что при указанном способе уничтожаются самые тела казненных. Они бы предпочли не изменять древним обычаям и зажарить их на бифштексы.

Макс поднялся со своего места: — Я объявляю заседание закрытым. Каждый товарищ возвращается к своей работе.

Вдруг раздался яростный стук. Кто-то мерно колодил в запертую дверь.

Все вскочили. — Антон! — вскричала Маша.

Бьянки открыл дверь. Ковыляя, горбун вошел в комнату. Пена вокруг рта, от пота волосы прилипли ко лбу и глаза вылезли из орбит, как у помешанного. Он несколько раз принимался говорить, но у него не хватало дыхания. Наконец, он забормотал:

— Предательство! Собака, государственный советник! Наше убежище раскрыто! — Он лишился чувств.

Первой пришла в себя Маша. — Торопитесь! — крикнула она, — приготовьте летающий автомобиль! С его помощью нам удастся спастись.

Маша бросилась к зеркалу, натянула маску и снова превратилась в молодого робкого индуса. Она схватила маленький чемодан, торопливо раскрыла его — большим прыжком кролик выскочил из чемодана. Она

хотела его поймать, он ускользнул, дверь не была плотно прикрыта, кролик исчез. Маша бросилась за ним — его и след простыл.

Бьянки опустился на стул. — Теперь мы пропали, — прошептал он. Он ударил кулаком по столу: — Не этого мы ждали, мы не сдаемся. Мы еще поборемся. Они так легко от нас не отделаются!

Он снял свои роговые очки, поставил их на пол — они превратились в лифт (теперь читателю ясно, для чего все коммунисты носят роговые очки) — и исчез в бездну вместе со своими сообщниками.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ, БОГАТОЕ ПОСЛЕДСТВИЯМИ.

Было половина одиннадцатого вечера, когда руководитель и главный начальник по борьбе с Чека, действительнейший высочайший тайный советник Ландфогт закончил просмотр протоколов. Он зевнул несколько раз, закурил папироску, чтобы успокоить нервы после чтения волнующих рапортов о новых планах государственного переворота, замышляемого коммунистами, облокотился на спинку стула. Он почувствовал страшную сонливость, страшную усталость — и погрузился в сон. Когда он пришел в себя, вокруг него была полная тьма. Он инстинктивно протянул руки вперед, где должна была находиться настольная лампа, его руки коснулись чего-то холодного, мокрого, как будто стены погребба. Вдруг он заметил, что лежит на земле. Он вскочил на ноги, начал шарить по карманам, ища спички, зажег их и с удивлением убедился в том, что находится в большом погреббе. Как он сюда попал?

Несомненно, всякий другой на его месте растерялся бы от ужаса; но Ландфогт недаром завоевал себе репутацию самого храброго, неустрашимого и хладнокровного полицейского в Европе, подготовленного ко всяким случайностям. Это дело рук коммунистов! Это было первое, что пришло ему в голову. Этим соображением Ландфогт лишний раз доказал свою блестящую находчивость, которая ему никогда не изменяла. Он начал насвистывать первые два такта своей любимой песенки «Гакенкрейц в Штальгейме» и вскоре перешел на мотив еврейской свадебной, погрузившись

в сентиментальные воспоминания о своей родине. — Сейчас мы примемся за дело, — подумал Ландфогт и звучно сплюнул. — Я не я! — Он ощупью нашел дорогу и, наконец, достиг двери. Она оказалась запертой.

Но и это неприятное открытие не лишило его присутствия духа. Он вынул из кармана жилета маленькую гранату, которую он всегда носил при себе для таких случаев. Он вложил шашку в замочную скважину, прикрепил к ней фитиль и поджег его. Прошло несколько секунд, раздался страшный взрыв, тяжелая железная дверь разлетелась на мелкие куски, как гнилое дерево. Ландфогт увидел лестницу, ведущую наверх. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как к нему бросилась толпа агентов и полицейских. Погреб, в котором он проснулся, оказался погребом управления. Он посмотрел на часы: с того времени, как он заснул наверху в своей комнате, прошел ровно час.

В течение нескольких минут Ландфогт узнал обо всех необычайных, волнующих событиях, которые произошли за этот час в Берлине. Он немедленно наметил план действий.

Он велел принести в свою комнату труп неизвестного, найденного на Вильгельмштрассе, и вызвал по телефону самых известных в Берлине судебных врачей для того, чтобы они произвели освидетельствование трупа. Вскоре они приехали и сосредоточенно принялись за дело. Но минуты текли за минутами, в течение получаса врачи выстукивали труп и осматривали его со всех сторон — но не могли установить причину смерти. Труп был перевезен в анатомический институт; было произведено вскрытие под руководством профессора Х. Вскрытие тоже не дало никаких результатов. Удалось только установить, что смерть

произошла несколько часов тому назад. Больше ничего. Личность убитого осталась невыясненной. Самым загадочным было то, что глаза трупа были все так же широко раскрыты, и вокруг перекошенного рта застыла ужасная улыбка. — В тот момент, когда он умер, он, но всей вероятности, смеялся, — сказал профессор. — Все тело искажено и сведено смехом, и все-таки нельзя установить, каким образом смерть наступила так внезапно. — Странно.

Ландфогт присутствовал при вскрытии. Он задумчиво попрощался с врачами и поехал в управление. На Фридрихшттрассе он остановил автомобиль, вышел и отослал шофера домой. Он повернул обратно и пошел вдоль Линденшттрассе по направлению к Бранденбургским воротам.

Не было никакого сомнения — это было делом рук коммунистов. Ландфогту было известно то, что в этот момент не знал еще ни один человек в Германии. Мертвец с Вильгельмшттрассе был почти двадцать пятым случаем за последнюю неделю. Ландфогт хотел избежать паники и не предал огласке того, что с недавних пор по всем городам Германии ежедневно находили новые трупы. Причину смерти нигде не удалось установить; но во всех случаях был один общий признак: у мертвецов были широко раскрыты глаза, и ужасная усмешка искажала их рот.

Погруженный в глубокие размышления, Ландфогт шел вперед, не замечая пути. Он чуть не наткнулся на молодого парня, который шел за ним уже несколько минут.

— Лучший игорный дом, господин, — пробормотал мальчишка. — Осмелюсь вам предложить. Самые высокие ставки.

В Ландфогте проснулся полицейский. — Проводи

меня, — сказал он.

Парень позвал извозчика. Вскоре они очутились на Тиргартенштрассе. Он остановил экипаж, свернул с Ландфогтом в боковой переулок, тихонько засветил. Перед ними раскрылась маленькая боковая дверь знатного замка.

Лакеи в ливреях сняли с тайного советника пальто и шляпу и ввели его в игорный зал. Вокруг большого стола сидело около пятнадцати человек, различного возраста и внешности. Казалось, клуб принадлежал к числу очень приличных; мужчины были во фраках и смокингах, дамы в роскошных вечерних туалетах, сверкали и переливались бриллианты и жемчуга, и на столе шелестели большие банкноты, передвигались с одного края на другой; они выросли в небольшую горку перед одним молодым человеком, который производил впечатление иностранца и в настоящее время держал банк.

Ландфогт остановился за стулом одного пожилого господина, который, очевидно, был в большом проигрыше. Перед ним лежал на столе пустой бумажник: он передал банкомету чек на большую сумму.

— Само собой понятно, господин директор. Ваш банк имеет большие связи и пользуется полным доверием. Вы можете спокойно платить чеками на какую угодно сумму. — Молодой человек говорил с заметным восточным акцентом. Он протянул банкиру карты. Банкир вытащил девятку. Остальные игроки вздохнули с облегчением. Может быть, теперь директору удастся выиграть.

Банкомет раскрыл карты. Девятка. — Ставка остается прежней. Вы не отказываетесь от нее?

— Нет.

Снова тянет директор. Семерка.

Банкомет — восьмерка.

— Я удваиваю — 10.000 марок.

— Пожалуйста.

Банк выигрывает.

— Двадцать тысяч марок.

— Пожалуйста.

Банк выигрывает.

Остальные игроки столпились вокруг директора и следят с затаенным дыханием за игрой. Холодный пот выступил на лбу пожилого господина, молодой человек усмежается и предупредительно продолжает метать: 100.000, 500.000.

— Разрешите мне напомнить вам, господин директор, вы уже проиграли все ваше состояние вместе с акциями и ценными произведениями искусства.

Шатаясь, старик подымается с места. Последняя ставка — вилла в Грюмвальде и агентство в морской торговле.

— Пожалуйста.

Тасуют карты. Директор снова проигрывает.

Вдруг по залу прокатывается ужасный, громкий хохот. Директор пошатывается, хохочет, хохочет, вертится от хохота. Его глаза выступают из орбит, он валится на пол, смеется, смеется... Гости суеются вокруг него. Молодого банкомета, — как не бывало.

Без шляпы, без пальто, Ландфогт бросается из комнаты, выскакивает на улицу. Какой-то автомобиль огибает угол. Он бежит за автомобилем, бросается в встречный автомобиль и мчится вслед за быстро удаляющейся машиной. На Егерштрассе ему удается ее нагнать. Он уже почти различает номер автомобиля, но внезапно его зрение затемняется. Ослепительная световая реклама больно бьет в глаза. Ландфогту удается разглядеть сверкающую, алую пятиконечную звезду.

Как молния, внезапная догадка озарила сознание Ландфогта: эмблема коммунистов! Он приказывает шоферу гнаться за летящей машиной. Он видит, как у Гаккенского рынка автомобиль въезжает в ворота здания центра коммунистической партии; вслед за этим он взлетает на воздух, как будто его поднимают невидимые руки. Через полчаса Ландфогт спешит к крепости преступников-коммунистов в сопровождении всей берлинской полиции, вооруженного отряда боевых батальонов и легкой и тяжелой артиллерии. У полиции есть точные сведения: коммунисты укрепили крышу своего дома, как крепость, траншеями, артиллерией и хорошо защищенными башнями.

Крепость коммунистов удалось взять в сравнительно короткое время. Это могло произойти только при условии внезапного окружения; полицейский отряд не сложил головы, как армия кронпринца под Вердемом. В 6 часов, 10 минут утра дом укрепления был разрушен и взорваны двери.

Патрули обороны врываются в дом, Ландфогт предводительствует, обнаруживая чудеса храбрости. Люди шныряют вверх и вниз, обыскивают комнату за комнатой, вскрывают все шкафы — автомобиля нигде не видно. Большой стенной шкаф привлекает внимание тайного советника. Он открывает дверцы — шкаф пуст. Он протягивает руку, чтобы его закрыть, — в глубине шкафа лежит маленькая записочка. Он хочет ее поднять, наклоняется, двери захлопываются, он чувствует, как земля уходит у него из-под ног, он попадает в ледяной воздушный поток — и погружается с страшной быстротой в бездну.

Когда к Ландфогту возвращается сознание, он находится в просторном помещении, напоминающем вокзал. Яркий свет от множества электрических лам-

почек. В разные стороны разбегаются пути, сигнальные лампы различных цветов и различной формы, большие манометры, динамо-машины, путаница от проволочки, рычагов, брусьев. Ни души.

Ландфогт вскакивает, идет к ближайшей сторожевой будке, входит в нее. Перед ним большой стеклянный поднос. На стекле он видит улицу, которая ему страшно знакома. Река отражает деревья, сквозь стекло видна городская суতোлка, снуют люди и экипажи, как в зеркале телескопа подводной лодки. Вдруг его осеняет мысль, что за стеклом Ландверский канал. Приближаются голоса, Ландфогт прячется за косяк.

— Товарищ комендант, подводная флотилия IV и V, в количестве двенадцати лодок, готова к отплытию.

— Хорошо, флотилия спустится в канал только в полночь. Как обстоит дело с батареями?

— Батареи артиллерии I и II установлены на крыше Розенталерштрассе. Место прицела — рейхстаг.

— Хорошо. Лозунг?

— Месс Менд.

— Месс Менд.

Тайный советник решается вытянуть шею и взглянуть на говорящих. В зале молодой банкомет из игорного дома — женщина.

— Летающий автомобиль готов к отбытию в Штутгарт,— говорит горбатый человек. Оба исчезают.

Ландфогт решается выйти из своей засады. «Штутгарт, — думает он, — там можно их захватить». Но как найти выход из этого подземного лабиринта? Он бежит взад и вперед по проходам, спотыкается о шины и проволоку, бежит за угол и наталкивается на горбуна. Впервые в жизни он испытывает нестерпимый ужас. Нет спасения! Горбун уже настигает его, он замечает дверцу в стене. Открыть ее и бежать — дело

одной секунды. Перед ним зияет отверстие широкой трубы. Другого хода нет; он залезает в трубу, тесно прижав к туловищу руки и ноги. Снова он попадает в воздушный поток, который с страшной быстротой увлекает его вверх. Труба расширяется, его ослепляет яркий свет, в трубу врывается вода — он плывет, отдуваясь и отплеываясь, по Ландверканалу.

НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ.

Дождь, стихший на рассвете, усилился к десяти часам утра. Резкий норд-ост гнал с моря тяжелые, черные тучи и скоро перешел в жестокий шторм.

В полицейском управлении шла лихорадочная работа. Курьеры бегали взад и вперед, телефон работал, радиogramмы летели на пограничные станции, начальник обороны поднял на ноги все военные силы страны. Высшее командование велось Ландфогтом, который едва успел переменить мокрую одежду.

Надо осушить Ландверский канал! Это было его первой мыслью. Он совершенно правильно рассчитал, что противник развернет свои операции раньше намеченного времени, так как готов к ожесточенной борьбе и знает, что его планы раскрыты. Между тем, надо было какой угодно ценой предотвратить спуск подводных лодок в канал — в самом центре Берлина. Значительные, объединенные силы работали по осушению канала. Ландфогт, получивший титул высшего государственного советника за свои смелые и плодотворные предложения в деле розысков непосредственно вслед за тем, как его выудили из воды,— Ландфогт руководил осадой Штуттгарта.

Во время приготовлений он получил радиogramму от штуттгартской полиции:

«Отделение I А Берлин. Захвачен белый кролик редкой породы стоп Исследование анатомического института устанавливает помесь ангорской кошки и полевого зайца стоп Институт признал кролика бациллоносителем стоп Вскрытие даст возможность обнаружить новую неизвестную бациллу очень опасную стоп

Зараженных охватывает смертельная болезнь смеха стоп Бацилла носит название *ridens seeckti*¹ стоп».

Дело близилось к развязке. Оставалось найти автомобиль.

Ландфогт потребовал, чтобы его соединили с Фридрихсгафеном. К счастью, цепеллин был готов к полету. Несмотря на сильный шторм, комендант решил сам отправиться в погоню за летающим автомобилем. Одновременно поднялись два аэроплана. Они должны были перерезать путь через границу летающему автомобилю.

Десять часов, 50 минут. Борьба начинается. Сквозь дождь и шторм, цепелин и аэропланы прокладывают себе дорогу и Штутгарт. Через час оцеплена вся местность вокруг Штуттгарта. Никаких следов автомобиля. От начальника обороны Штуттгарта приходит донесение, что следы кролика привели полицейскую собаку в одну из комнат отеля «Маркарт», в которой утром остановился индусский профессор, к которому приходили подозрительные личности. Профессор и гости исчезли. Они не могли далеко уйти.

Вскоре из Мюнхена приходит сообщение, что в окрестностях Розенгейма прошел с небывалой скоростью красный автомобиль. Направление — австрийская граница. Таким образом, напали на верные следы. Погоня началась.

Разгорелся фантастический, ужасный бой. Противник знал, что его ждет, если он будет пойман, — и боролся не на жизнь, а на смерть. Храбрые авиато-

¹ В оригинале набрано с искажениями. Букв. «смех Секта» (лат.) по имени генерал-полковника И. Х. фон Секта (1866-1936), в описываемое время фактического командующего и реорганизатора рейсвера (Здесь и далее прим. изд.).

ры, рискуя жизнью, творили чудеса. Вскоре аэропланы нагнали летающий автомобиль, цеппелин преградил ему путь, открыв по нем оружейный огонь. Автомобиль сделал попытку спастись бегством. Он взметнулся ввысь сверкающей кометой, но его настигли аэропланы, открыли по нем стрельбу и, не прекращая преследования, взвились за ним в высоту. Тысяча метров, две тысячи, — побит мировой рекорд, но бегство продолжается все выше и выше. Вдруг автомобиль срывается вниз. Авария? — Хитрый маневр, автомобиль пытается ускользнуть незамеченным под аэропланами. Это приводит его к гибели. Лейтенант Мюллер из воздушного отряда 10, выдающийся авиатор мировой войны, меняет направление, аэроплан камнем падает вниз, на расстоянии ста метров от земли переходит в ровный полет — тяжелая бомба — превосходный прицел — косит автомобиль. Прекрасный стрелок! Автомобиль тщетно пытается продолжать полет — все напрасно.

Когда аэропланы спускаются и солдаты окружают автомобиль — он пуст. У руля сидит кукла — автомат. Легко догадаться, что ею руководили по радио. Преступники скрылись.

Ландфогт держит в руках радиogramму о результатах погони. По его мужественному красивому лицу скользит горькая улыбка.

Теперь в рейхстаге ведется дело 139-ти. Комиссия под личным председательством канцлера по розничной продаже пива и действительнейшим, наивысочайшим тайным советником Ландфогтом в качестве секретаря. Комиссия состоит из 311-ти человек и должна, наконец, научно разработать способ обезвредить Месс Менда и его отряд Чека.

Адольф Рифлинг

НОВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Адо́льф Рифлинг

Новая мировая
война

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Адольф Рифлинг, — мне пришлось познакомиться с ним в прошлом году в Берлине, — молодой, начинающий — блестяще начинающий — гейдельбергский доктор философии. Гейдельбергский — значит неокантианец, романтик, мечтатель, человек не от мира сего. Человек сейчас неуместный, — он был бы уместен в сороковых годах прошлого столетия. И философический блеск его, и этот стиль блестящий, и эта тонкость, эта хрупкость, этот взгляд грустно-мечтательный, задумчиво устремленный в туманную даль, — все, все это совсем, совсем неуместно. На фоне Берлина 1923 года — Берлина шиберов, кокоток, шимми, нищеты и голода — доктор Рифлинг был живым, бьющим в глаза анахронизмом. Человек с луны.

Основная характеристика Рифлинга: он — сочувствующий. Он — «не», но он сочувствует. Он не коммунист, но он сочувствует коммунизму. Он не революционер, но он сочувствует революции. Он — в стороне... Он влюблен в Москву. Он боготворит Ленина. Понимает ли он Москву и Ленина? Да, — но по-своему. Совсем, совсем не так, как мы понимаем.

Превалирующая эмоция Рифлинга — страх. Страх перед этим миром — перед этим капиталистическим, империалистическим миром, в котором он — чужой. Страх перед грядущей войной. Страх перед грядущим вообще, — он мучительно напряженно думает о будущем... Страх — и грусть. Грустный страх, печальный страх — тонкое что-то, нежно-романтическое...

Интеллигент до мозга костей... Переживания, настроения...

И в этой книжке тоже — на первом плане переживания и настроения, грусть и страх...

Рифлинг не химик, он — философ. В химии он дилетант. И эта книжка не претендует даже на научность. Вполне возможно, что с точки зрения химии в ней — грубые ошибки... Но это неважно. Достоинство этой книжки не в том, что она дает какие-нибудь положительные знания, — она не дает никаких положительных знаний, — а в том, что она *вводит нас в атмосферу будущей войны, химической войны. Это введение в атмосферу* очень и очень полезно. Очень и очень нужно. Необходимо... Вы прочтете эту книжку — и химическая война станет для вас *реальной возможностью*. Вот, это-то нам и нужно: *чтобы люди в СССР научились думать о химической войне, как о реальной возможности*.

Мы конечно, не разделяем взглядов, — вернее, мечтаний, — доктора Рифлинга, проскальзывающих там и сям в этой книжке. Эти мечтания беспочвенны — уже потому, что почтенный доктор совершенно упускает из виду ту колоссальную роль, которую играет в войне экономика. Экономик-то господин доктор не приметил! На философском факультете Гейдельбергского университета экономика в загоне... Мечты о том, что «война обесмыслится», «война сама изживет себя», конечно, смешны, конечно, жалки...

Но у Рифлинга — живое воображение, и он ярко, остро пишет. Этого с нас, в данном случае, довольно.

А. Меньшой.

Разрешите мне фиксировать ваше внимание на вопросе, который стоит не в центре внимания, а в стороне от центра. В центре, как всегда, дипломатическо-политические вопросы. Репарации. Рур... Новая эта репарационная схема, которую так трудно, — почти невозможно, — отличить от всех старых схем... Малая Антанта. Бельгия — Франция или Бельгия — Англия. Новые правительства в Германии и во Франции. Англо-советские переговоры... Я должен вам сказать: затхлостью пахнет в Европе. Репарации, Рур — уже это старо, уже надоело. Нельзя же, господа, всегда одно и то же. В конце концов, мы вот уже сколько лет топчемся все на одном и том же месте... Только иногда, время от времени, какой-нибудь инцидентик, конфликтик, скандалчик прервет на миг монотонность. Я говорю: инцидентик, конфликтик, скандалчик — потому, что настоящих инцидентов, конфликтов и скандалов давно уже нет, давно уже не было. Измельчала, измельчала дипломатия-политика... Гроз нет, бурь нет, — бури бывают только в стакане воды. И если уж выйдет какой-нибудь скандалчик, так непременно пошленький, глупенький, нелепый, неуклюжий, фарсового какого-то характера. Описывать вам подробно скандал в здешнем советском торгпредстве, ей-ей, не стоит, неинтересно, — можно только одно сказать: это было так глупо и так бессмысленно, что сами инициаторы и организаторы скандала не могли — и по сей день не могут — объяснить ни себе самим, ни недоумевающей «почтеннейшей публике», что, собственно, произошло. И почему? И как? И зачем? Главное — зачем? Какая цель? *Никто не знает.*

Вопрос, на котором я желал бы остановиться, это вопрос о будущей войне. Я не знаю, удастся ли мне убедить вас, что это вопрос не теоретический, а практи-

ческий, актуальный. Здесь, у нас, его трактуют именно как теоретический вопрос. Как вопрос интересный, а не как вопрос насущный. Я думаю, это психологически оправдывается все еще не изжитой, — далеко еще не изжитой, послевоенной усталостью. И после-версальской усталостью. (Я не буду повторять здесь этот трюизм: версальский мир тяжелее для Европы во многих отношениях, чем даже война, — во всяком случае, последствия «мира» тяжелее, чем последствия войны). Европа психологически не может еще думать о будущей войне. Европа *старается не думать*. Может быть, это хорошо. Потому что, если бы Европа думала... Впрочем, может быть, если бы Европа думала, она бы до чего-нибудь додумалась... Из дальнейшего изложения вы увидите, что кое-кто думает — и даже очень напряженно. И очень плодотворно, — к несчастью. Я отмечаю только, что в массе своей люди Европы не думают — и не верят. В массе своей люди Европы *живут*. Жадно живут и боятся разными мыслями расстроить жизнь... *Der Wunsch ist der Vater des Gedanken*¹, — говорит немецкая пословица. Можно, перефразируя эту пословицу, сказать: страх порождает бездумье. Страх отпугивает мысль.

Может быть, вы, в России, решитесь взглянуть прямо в лицо этому вопросу. У вас ведь решимости гораздо больше, чем у нас. Это объясняется, вероятно, тем, что вы из *своей* войны — войны-интервенции — вышли победителями. Кроме того, вы живее, чем мы, ощущаете надвигающуюся опасность, — потому, что у вас — Румыния, Польша. И у вас — самая сильная и самая лучшая (в смысле организации и дисциплины) армия в Европе. И вы моложе нас гораздо — как го-

¹ Воля порождает мысль (*нем.*).

сударство. Моложе — значит: мужественнее... Поэтому я и пишу эти строки *для вас*. Я задался целью: рассказать вам, — только *рассказать*, ничего больше, — о будущей бойне. Рассказать со всей возможной простотой, на какую я окажусь способен. А выводов я никаких не буду делать, — всецело предоставляю это вам.

Вопрос о *возможности* новой мировой войны давно уже решен в положительном смысле и давно уже снят с очереди. Сейчас на очереди другой вопрос: о *неизбежности* новой мировой войны. И на этот вопрос тоже уже сейчас дается положительный ответ: да, новая мировая война неизбежна. Утвердительный ответ на второй вопрос (о неизбежности) вытекает с логической необходимостью из утвердительного ответа на первый вопрос (о возможности). Если война возможна, значит, она неизбежна. Это положение, конечно, доказывать не приходится. Оно очевидно. Это — аксиома.

Вот вам интересная выдержка из одной из многочисленных речей Ллойд-Джорджа:

«Европа — склад взрывчатых веществ, и много есть в Европе безумных людей, которые небрежно разбрасывают повсюду горящие спички».

Есть и такие «безумные люди» (к числу их относится и сам Ллойд-Джордж), которые разбрасывают не горящие спички, а горящие факелы, — разжигают костры. Скажем хотя бы, к примеру, Малая Антанта, Польша и Румыния — разве это не горящий костер? А Балканы? Я пойду далее, — я скажу: а узенькие эти проливы между Францией и Англией — разве это не костер? Правда, еще не зажженный, но что стоит его зажечь?.. Дальнобойные пушки стоят уже на обоих берегах пролива — и на французском берегу и на английском. Можно бомбардировать Париж, и можно бом-

бардировать Лондон. Конечно, пушки эти — немецкое изобретение.

Недавно была напечатана в одной английской газете статья, озаглавленная: «Дружба, базирующаяся на дальнобойных орудиях». В статье этой доказывается, что именно потому, что такие дальнобойные орудия существуют, Франция и Англия должны всячески стремиться к сохранению взаимной «тесной и искренней» дружбы. Дальнобойные орудия, как предпосылка «тесноты и искренности» дружбы...

Самый большой костер, конечно, Германия — и, в частности, Рур. Но есть еще костер — нефть... И есть еще, не забудьте, колонии. Есть Китай — неразрешенный вопрос. Есть... да много есть. Всего и не перечить.

Если вы не будете заставлять себя не думать, если вы будете просто и ясно, без всяких предвзятых мыслей, читать каждый день газеты, вы будете чувствовать явственно, как нарастает новая мировая война... Я не могу еще сейчас сказать вам, — никто еще этого сказать не может, — как, где и когда она вспыхнет. В 1929-м году или в 1932-м. На Балканах, в Малой Азии или на русско-польской границе... Я хочу здесь же отметить: мне известно, что ваша, российская, советская пресса — или часть вашей прессы — придерживается того взгляда, что мировая революция предупредит мировую войну. Я считаю этот взгляд в корне неправильным (может быть, я ошибаюсь). Я тоже верю в мировую социальную революцию, но я думаю, что именно новая мировая война послужит ближайшим

поводом к ней, т. е., что хронологически и логически (причинно) она будет ей предшествовать. Это мое убеждение основано на том, что я каждый день вокруг себя вижу. А вижу я — сегодняшнюю Европу — всю, целиком...

Новая мировая война не будет похожа нисколько на войну 1914-18 г.г. Это будет новая война. Совершенно новая по своим формам, по приемам, по технике.

Техника войны имеет колоссальное значение, — подумайте хорошенько об этом.

Прежде всего, новая война будет отличаться от старой своей *легкостью и грациозностью*.

Когда-то, более ста лет тому назад, в наполеоновскую эпоху, была в войне легкость и грация, были изящные кавалерийские атаки, было тонко отделанное, филигранное маневрирование, были великолепные диспозиции, как сложные и путанные, но прекрасные математические задачи. Был изящнейший рационализм. Был виден ум полководца. Эта была самая интереснейшая шахматная игра, в которой случайно — совершенно случайно — гибли десятки тысяч людей... Кроме всего этого, обратите еще внимание: война велась на лоне природы, большей частью летом, среди лесов, лугов, холмов, долин, — пригорки, ручейки и мурава шелкова (кажется, я правильно процитировал вашего Крылова?), — пение птиц, — по ночам над полем брани, в непосредственном соседстве с полем брани шелкали соловьи. По ночам над полем брани мерцали мириады звезд — «и эта глупая луна»... (так, кажется?). А днем вся эта живописная, пестрая, многоцветная картина была облита солнцем. Сверкали на солнце начищенные кивера и палаши, казачьи пики, обнаженные шпаги. А мундиры! Ах, мундиры, приводившие в безумный восторг дам и просто женщин

всех возрастов, всех рангов, всех сословий, начиная горничными и кончая маркизами. А лихость! А удаль! А героизм!..

Война 1914-1918 г.г. — это была кошмарно-тяжелая, сумасшедше-тяжелая война. Какая была основная черта этой войны? Колоссальность. Колоссальность сверхчеловеческая. Массовость. Массовость сверхчеловеческая. Грузность. Многомиллионность... Земля не выдержала грузности этой, война продавала землю, вдавилась в землю. На девяносто процентов война велась под землей, в недрах земли... Атмосфера этой подземной войны — тяжелый, сверхчеловечески-тяжелый смрад. Ни неба, ни солнца, ни даже воздуха. А над траншеями — гигантские орудия, гигантские снаряды, гигантские танки, — все гигантское, все колоссальное... Атмосфера этой войны — кошмар... Вспомните грохот. Земля содрогалась от грохота. К такому кошмарному грохоту не привыкла наша земля. Вспомните: квинтиллионы, секстиллионы, октатиллионы выстрелов, десятки миллионов человеческих рук и ног, миллиарды и триллионы пуль, осколков. Это была война тяжелой индустрии. На землю поставили такую машину, которой не выдержала земля. Машина оказалась слишком велика, слишком громоздка, слишком тяжела для земли. Машина, вследствие кошмарной тяжести своей, совсем почти не могла функционировать. Отсюда — тяжелая *медленность* этой войны. Война не шла — ползла. Со скоростью двух-трех метров в сутки. Шаг вперед, два шага назад. Толчение на месте бесконечное... А фон войны? Тяжело-медленная серость, гнетущая, давящая унылость. Ведь не было людей — были многомиллионные массы, — серые, бесформенные массы пушечного мяса... Как велась война? Просто: против колоссального количества гигант-

ских орудий выставлялись миллионы людей, как будто человеческие тела — самая надежная преграда для гигантских снарядов. Люди приносились в жертву машине. Тут была, несомненно, победа машины над человеком... Вот вам, вкратце, история борьбы человека с машиной. Человек создал сначала очень несложную маленькую машиночку — и потом принялся совершенствовать ее. Машиночка стала машинкой, машинка — машиной, машина — машиной. Все развивалась, все разворачивалась, все совершенствовалась, все росла машина. И, наконец, выросла до того, что стала больше человека. Подавила машина человека. Человек увидел ничтожество свое, малость свою перед машиной. Это и была война 1914-1918 г.г.: машина мстила человеку... Разум человеческий создал машину, но совершенствовалась и росла машина, уже не подчиняясь разуму, а подчиняясь только внутренней какой-то необходимости, непостижимой какой-то логике вещей. И наступил момент, когда машина очутилась вне контроля разума. Просто, — все дело тут в том, что разум человеческий идет только до определенных размеров, до определенных величин; что больше предельных этих величин, то вне его разума. И вот, — стихия машинная подавила человечество...

Именно этим и объясняется то весьма любопытное явление, которое мы наблюдаем сейчас: человек уничтожает машину. Высвобождается человек из-под машины... Сейчас — обратный путь. От тяжести сверхчеловеческой к легкости — тоже сверхчеловеческой. От сумасшедше-тяжелой индустрии к самой легкой, наилегчайшей индустрии. От окталлионов к нулю — и дальше, к минус единице, — и еще дальше — к минус бесконечности. От земли к небесам. От «вдавления» к взлету. От глубин к высям. От «внедрения» к воз-

несению... Вот, вот, — именно: вознесение... Отныне мы будем парить над землей — и, из заоблачных высей-далее простирая неведомые какие-то, невидимые эфирные нити-лучи, мы будем нежно, ласково, едва-едва касаться земли. «Перстами легкими, как сон».

Вы догадываетесь, конечно, что речь идет о газах, о химической войне.

Обратный путь от бесконечно-тяжелого к бесконечно легкому начался, в сущности, еще в 1915-м, 16-м годах, — еще, следовательно, в самом начале мировой войны. Но до 1918 года, до Версаля, были только эксперименты. Война давала богатейший материал для экспериментирования: были миллионы людей, на которых можно было испытывать силу газов. Люди гибли, — да, но с научной точки зрения, это все-таки была еще не настоящая газовая война, а только ряд экспериментов. Потому, что люди гибли *не наверняка*, — не было *точного и предварительного расчета*: погибнет столько-то человек, погибнут они так-то, потому-то, при таких-то обстоятельствах, по таким-то причинам. Не было самого главного, что необходимо одинаково и науке, и войне, и профессору и генералу: твердой уверенности в результате. Результат был проблематичен. Было то, что вы называете «авось»...

Мне пришлось на прошлой неделе — в одной нейтральной стране, где немец может свободно, без всяких задних мыслей, без всякой подозрительности и без страха беседовать с французом, — мне пришлось в одном отеле-пансионе в горах, где мощная весна веет бодростью, силой жизни, радостью жизни, где пьянеешь от солнца — в полдень, и от аромата цветов — в полночь, где нет ни книг, ни газет, ни этих мелочных дрязг, которые глупые люди называют превыспренно — политикой, ни, вообще, каких бы то ни было

скучных человеческих дел, а есть только сосновый лес, водопад, озеро, зеленый луг, снежные вершины, голубое небо, молодые девушки, которые доят коров, поют песни и любят по-весеннему мощно тех, кого они любят, — мне пришлось, говорю я, встретиться на прошлой неделе в Швейцарии, в горах с одним стареньким профессором-французом. Это был до того глубокий старик, что он стал уже смешон от старости. Он уже из старика превратился в карикатуру на старика. Его лысина была яйцевидной формы и оливкового цвета. Борода белая, как снег на вершинах, клочковатая, как будто он густо намылил себе лицо, приготавливаясь бриться. Беззубый рот — смешная черная ямка, а нос... смешной такой, сморщенный носик стариковский, — очки непрестанно сползают все вниз, все вниз, с переносицы на самый кончик носика. Руки и ноги были у него какие-то узловатые, скрюченные и ревматизмом, и подагрой. Но, несмотря ни на что, это — очень живой, болтливый и веселый человек. Больше всего в жизни любит он девушек, танцы, вино, хохот, — сам хохочет до упаду, — часами, не отрываясь, следит за танцами на веранде, — неискусные, неискусшенные дачные фокстроты и ту-степпы... Милый старичок... Я сошелся с ним. Оказалось, что он — химик. Однажды вечером, — он выпил чуть-чуть больше, чем следовало, — он, весело смеясь, рассказывал мне (был очаровательный, благоуханный майский вечер, — в эти майские вечера так хочется жить!) про будущую войну, про ужасы. Оказалось, что он, этот старичок, дни которого уже сочтены, — этот старичок — будущий полководец.

— Что — Фош и эти прославленные наши маршалы! — воскликнул он. — Вот мы вам покажем. Это будет настоящая война с настоящими ужасами. Мы бу-

дем убивать по одному миллиону человек в час, — ха-ха-ха!..

Хохот его заразительный, простодушно-наивный, как первый свежий хохот младенца. У него, конечно, очень доброе сердце. И, конечно, дома у себя, во Франции, где у него — огромная семья, он, приходя домой из лаборатории, играет с внучатами, рассказывает им сказки. А в кабинете у него, на письменном столе (он живет в старинном барском доме за городом, — дом окружен старым, загложшим парком) расставлены аккуратненько пузырьки, пробирочки с удушливыми газами — и вазочки с цветочками. Удушливые газы и цветочки, газы-цветочки, газы-цветочки...

Я вам перескажу своими словами все то, что рассказывал мне этот старичок, — имя которого я, к сожалению, не могу вам открыть, — в свое время это имя прогремит на весь мир... Это — почти лекция по военной химии.

Новая мировая война будет отличаться от старой мировой войны тем, что она будет происходить не на фронте, а в тылу. Это, если хотите, огромное *преимущество* новой войны над старой. Потому что на фронтах, как известно, всегда скопляются самые здоровые, крепкие, сильные, самые работоспособные, самые нужные для жизни люди. Тыл это, с военной точки зрения, хлам. Старики, женщины, дети, больные. Старая война убивала лучших, наиболее пригодных, наиболее нужных; новая война будет истреблять человеческий хлам... Как видите, тут уже есть некоторый такой проблеск гуманности. Дальше вы увидите, что

здесь, вообще, гуманности очень много, хоть отбавляй...

Вы спросите: если война будет происходить в тылу, то зачем же фронт? Кому нужен фронт — и для чего?

Совершенно правильный, совершенно уместный вопрос. Но ответа на этот вопрос — *разумного* ответа — дать нельзя. Нет разумного ответа. Единственный ответ, который можно дать, — далеко не разумный ответ, — это — консерватизм.

Человек есть животное консервативное. Ум человеческий, столь гибкий подчас в житейских мелочах — и особенно в самых мелочных из этих мелочей — в политике, — становится твердокаменным, тупым и жестким, как скала, когда дело доходит до большого, серьезного, важного. И еще во сто крат твердокаменнее, тупее и жестче, когда дело доходит до грандиозного, мирового. Поэтому — и только поэтому — никаких более разумных причин и целей здесь нет, — только потому, что мы, консерваторы, держимся цепко за старое, не умеем приспособляться к новому, — только поэтому государства Европы продолжают еще до сих пор строить армии, строить дредноуты и сверхдредноуты, строить дальнобойные орудия — и тому подобную ненужную чушь. Армии, дредноуты, пушки — уже не нужны. В новой мировой войне армии никакой роли не будут играть. На фронтах не будет ни одного выстрела. Армия ваша вернется с фронта в тыл (после того, как этот тыл будет совершенно уничтожен) *цела и невредима*. Ни одного убитого и ни одного раненого, — ха-ха-ха... Гуманно? Ну, еще бы...

Тут, как вы видите, есть немножечко от христианства (фронт) и немножечко ницшеанства (тыл; уничтожение хлама). Эту фразу сказал старичок-профес-

сор. Это французская попытка уязвить немца, занимающегося немножко философией.

Новая мировая война будет войной профессоров против женщин, детей, стариков и старух, больных, калек... Профессор вытесняет генерала... Помните, Платон требовал, чтобы управление государством было поручено «мудрым». Сейчас мы этого почти добились — в области военной. Правда, «мудрых» у нас нет, по есть профессора химии...

Как будет происходить новая мировая война?

Вот как:

Будет весенняя ночь, — вот как сейчас. Из Парижа в Берлин вылетит воздушная эскадрилья. Несколько сот аэропланов. К утру эскадрилья вернется в Париж. А Берлина уже — к утру — не будет.

Берлина не будет... То есть, Берлин будет, Берлин останется в полной неприкосновенности. Берлин останется — весь, целиком, как он есть. Дома, улицы, площади — и этот ваш знаменитый Tiergarten (великолепный парк, надо вам отдать справедливость), и эта ваша знаменитая (безвкусная, бездарная) Аллея Победы, и... вообще, все, все, что есть в Берлине, что есть Берлин, — все, все останется на своем месте. Потому что — прошу вас заметить — военная химия не разрушает, а только уничтожает... Опять, — прошу вас заметить, — гуманность: произведения человеческого гения останутся неприкосновенными... будут уничтожены только люди. — Ну, и животные, конечно — и растения. Зелень (ваш Берлин утопает в зелени) станет серой, — совершенно серой, как камень. Ну, и люди — умрут. Все... Я и говорю: уничтожение, но не разрушение.

Уничтожение Берлина будет продолжаться не более 3-4 часов... Это, опять, одна из характернейших

черт будущей войны. Краткость. Лаконичность. Быстрота. Прошлая война продолжалась четыре года, будущая война будет продолжаться не более десяти дней. Потому, что в десять дней мы можем истребить пол-Европы. Ведь, вот посмотрите: если в течение 3-4 часов можно уничтожить весь Берлин, то сколько времени потребуется на Гамбург, на Франкфурт, на Лейпциг, на Дрезден, на Мюнхен?... Скажем, неделю на всю Германию, — а потом 3-4 дня на союзников Германии.

Я из вежливости не спросил профессора, сколько часов, или дней, потребуется на Париж, на Нанси, на Лиль, на всю Францию — и на союзников Франции. Да это и не важно. Тут важно основное, важен принцип, а частности, детали...

Итак, в течение 3-4 часов мы уничтожим Берлин... Представьте себе: ночь. Большой город живет напряженной ночной жизнью. В большом городе ночью — затаенность, тревога. В большом городе ночью — клятвы и проклятья. За закрытыми дверями в темных комнатах бушуют, вырвавшись на волю, свирепые человеческие страсти. В большом городе ночью — шепоты и шорохи, шепоты и шорохи. В большом городе ночью — стоны и вздохи, стоны и вздохи. В большом городе ночью — убивают, душат. И любят. Корчатся в муках любви. А сколько поцелуев — в большом городе ночью... В большом городе ночью плачут дети. В большом городе ночью — умирают старухи. В большом городе ночью — безумие и жуть. Бред. А сколько снов, сколько миллионов снов снятся миллионам спящих людей...

В большом городе ночью пьют вино, хохочут, танцуют, играют. В большом городе ночью — вожделе. Мимолетные объятия — за дверью, в темном коридоре... Таинственно сверкнули глаза... А, может быть,

где-нибудь в полуосвещенной каморке, — где-нибудь на окраине большого города, в полуосвещенной неприглядной, бедной каморке несколько человек — трезвые, разумные, молчаливые, суровые люди, — собираются перевернуть вверх дном весь мир...

Большой город ночью дышит тяжело, как человек, который спит и видит кошмарный сон. Он ворочается тяжело. Ему хочется кричать от ужаса, но он не может кричать, — вместо крика исступленного — тяжелый, мучительный, предсмертный хрип. Так хрипит исступленно большой город ночью.

В большом городе ночью страшно весело, не правда ли? Вы подумайте только: сколько музыки — и сколько людей кушают бифштексы?..

Над большим городом летает аэроплан, — очень высоко над городом. В удобной, обитой кожей, уютной каютке — двое: пилот и химик. Доктор химии. Курят сигары. Благовонные сигары. Доктор, позевывая, просматривает юмористический журнал — «La Vie Parisienne» — галантный журнал, пилот читает увлекательный роман. Доктор думает о своей юной жене, которая ждет его, — хороший, чистый человек, здоровый; всегда ночью, в тишине, думает о своей собственной жене... Тихо... Легкий предутренний ветерок. Небо усеяно звездами... Тепло. Будет жаркий день. Ах, этот зной... Хорошо бы теперь с Нинеттой поехать куда-нибудь на море...

— Который час, пилот?

— Четыре, доктор, — почти четыре...

Когда встанет солнце, в большом городе будет злоеющая неподвижность, злоеющее молчание, и во всех домах, на улицах, на площадях, в парках, на кроватях (сколько в большом городе кроватей!), на стульях, на тротуарах, на скамейках — всюду будут трупы. На ули-

цах будут стоять трупы, прислонившись к стенам домов. В запертых комнатах будут лежать трупы на кроватях, обнявшись, крепко — так крепко, как крепка только смерть, — сжав друг друга в объятиях, — так они и будут похоронены, никто никогда этих объятий не разожмет. Убийца умрет, убивая, — склоненный с ножом в руке над тем, кто должен был бы быть убит. Мгновенные объятия за дверью, в темном коридоре станут вечными. Кошмарный сон, который привиделся спящему, тоже станет вечным. И умирающая старушка — она умрет внезапно, раньше, чем придет смерть; она умрет, не успев умереть...

Знаете, что самое смешное во всем этом? То, что люди все умрут, а вещи человеческие — все эти триллионы разных вещей, вещей, вещичек, которыми обставлена жизнь человека на земле, — вещи все останутся. Будут вещи без людей. Будут перочинные ножики, пуговицы, письма, вывески над магазинами — вывески будут. «Магазин дамского белья Иоганна Шмидта». Будут детские коляски, — будут сотни тысяч осиротевших детских колясок и сотни тысяч осиротевших девочкиных кукол. Будут фонарные столбы. Дорожки парка будут усеяны трупиками птичек... Сторож умрет как раз в ту самую секунду, когда он, засыпая на своем посту, зевнет сладко — он умрет, зевая сладко...

Смерть будет очень тихая... Опять шаг вперед. Сверхчеловеческий грохот прошлой войны — и абсолютная, немного торжественная, храмовая тишина новой войны... Смерть будет мгновенная. Смерть будет изящная... Тишина, мгновенность и изящество смерти — гуманность...

Бомбочки, начиненные ядовитыми газами, — небольшие, овальной формы, серебристого цвета, шелкови-

стые такие бомбочки, точь-в-точь такие, как в витринах кондитерских перед пасхой выставляются — белые, шелковые, перевязанные розовыми шелковыми ленточками яйца-бомбоньерки. Если хотите, можно эти бомбы тоже перевязывать розовыми ленточками... Я думаю, что правильнее называть их не бомбами, а бомбоньерками... Они не взрываются, не лопаются, — они вскрываются. Они вскрываются изящно и нежно. Так как включенные в эти шелковисто-серебристые оболочки газы легче воздуха, то бомбоньерки не падают стремглав вниз, а носятся в воздухе, как птицы, и спускаются все ниже, ниже, к земле, — бесшумно, крадучись, — они плывут по воздуху. Они вскрываются — и падают. Газ не имеет никакого цвета, никакого вкуса, никакого запаха. В нем нет абсолютно ничего неприятного. Абсолютно никакой навязчивости. Он не лезет нахально в ваши ноздри, в ваш рот, в ваши легкие. Нет. Вы вдыхаете его легко, свободно, естественно, без всякого — абсолютно — напряжения, точь-в-точь так же, как вы вдыхаете воздух... Вы умираете без агонии. Разве это не гуманно?

Но эта изящная картинка, которую я здесь перед вами нарисовал, есть картинка *будущего. Ближайшего будущего*. самого ближайшего будущего. К 1932-му году все это уже будет готово. К 1929-му году будет выполнено более 50 процентов задания. Сейчас, в настоящем, мы еще — на пороге... И тут я спешу оговориться: сейчас, в настоящем, нельзя еще сказать: армии и дредноуты *уже обесмыслены*, уже более не нужны, — сейчас можно и надо сказать только: армии

и дредноуты не могут уже играть той решающей роли, какую они играли в прошлой войне. Сейчас, в настоящем, — даже если война вспыхнет завтра, — решающую роль будет играть химия, газы.

Сейчас еще нет тех легких и приятных газов, о которых я только что имел честь вам докладывать. Впрочем, нет, — эти газы уже есть, но пока только в лабораториях, — еще не на складах военных ведомств. На складах военных ведомств сейчас, пока еще, в настоящем, хранятся (в колоссальных количествах) *тяжелые газы*, — в 1 ½ раза тяжелее воздуха, — падающие газы, падающие на землю, отравляющие не столько атмосферу, воздух, сколько землю, почву. Это, в первую голову, газ *иперит*. Надо отметить тут же, что этот газ был изобретен одновременно — в 1915-м или 16-м году, не знаю точно — и в Германии и во Франции. Тогда, в 1915-м или 16-м году, он играл еще подсобную, второстепенную роль. Иперитом наполняли обыкновенные снаряды, обыкновенные бомбы, обыкновенные пулеметные пули; бомбы были *приправлены* иперитом. Иперит был приправой, — *like sugar in your coffee*¹, по меткому выражению одного американца. Вам подадут снаряд с иперитом, как подают кофе с сахаром...

Но если уж рассказывать историю предмета, то надо начать не с иперита, а с удушливого газа, предшествовавшего ипериту хронологически. Удушливый газ это просто хлор еще с чем-то. Насколько я понимаю, он может быть приготовлен в огромных количествах из простой поваренной соли. Удушливый газ — чрезвычайно простая, чрезвычайно несложная, примитивная, элементарная штука. Он имеет желтоватый цвет

¹ Как сахар в вашем кофе (*англ.*).

и стелется по земле, ползет, как туман; это ползучий, пресмыкающийся, гадообразный газ. Газ-гад. Он причиняет смерть мучительную. Это не столько газ смерти, сколько газ пыток. Он сжимает дыхательное горло, человеку становится все труднее и труднее дышать. Газ действует с мягкой и нежной постепенностью, — медленно-медленно. Сначала — легкий кашель, так — кхе-кхе — как будто щекочет в горле легонько, еле заметно. Это мимолетное ощущение не доходит даже до сознания человека. Потом это нарастает. Человек корчится в муках. От огромного напряжения расслабляются, рыхлеют мышцы, превращаются в тряпки, виснут, размягчается мозг. Лопаются кровеносные сосуды. Из всех пор тела проступает кровавый пот... Агония продолжается 36 часов.

Чтобы люди не успели принять меры против удушливого газа (надеть хотя бы противогазовые маски, защитить рот и нос), газовая атака соответствующим образом *подготавливается*. Перед тем, как пустить в противника (вспомните, что действие происходит в 1916-м году, когда еще война велась на фронте, а не в тылу), в траншеи противника струю удушливого газа, пускается струя подготавливательного газа. Подготавливательный газ должен *психически* обессилить противника, — в этом его задача. Подготавливательный газ — психический газ. Наша германская армия уже в 1916-м году располагала тремя такими газами: *газ смеха*, *газ слез* и *газ чихательный*. Представьте себе: сотни тысяч солдат в траншеях вдруг начинают хохотать. Это страшно заразительно. Это передается от человека к человеку, от роты к роте, от полка к полку, от корпуса к корпусу, от армии к армии. Целая армия хохочет. Людям становится вдруг страшно весело. Как будто они все опьянены, — слегка опьянены. Они начинают

весело смеяться... Начинается это с легкой, еле заметной, невольной, не доходящей до сознания улыбки. Ну, улыбнулся человек — ничего больше. Еще человек рядом — тоже улыбнулся. И еще, и еще. Потом уже десять, двадцать человек, собравшись в кучку, смеются вместе громко, дружно, — открытый, такой бодрый, добродушный смех. Ха-ха-ха-ха-ха! — у Михеля расстегнулась штрипка! Через час сумасшедший хохот, вырываясь неудержимо из сотен тысяч глоток, заглушает даже грохот орудий. На десятки миль кругом зловеще грохочет хохот. Мучительный хохот. Люди изнемогают от хохота, падают в изнеможении. Уже они сознают, что это не настоящее, что тут вмешательство чьей-то злой воли. Уже чувствуют люди жуть. Людям страшно. Люди чувствуют уже смерть, видят уже приближающуюся смерть, но чем страшнее, тем все громче, все неудержимее хохот. Хохот-агония.

В этих психических газах, в этом веселом психическом газе какая-то заложена сверхчеловеческая, дьявольская, жуткая ирония, насмешка над человеком. А какая простая и наивная формула у этого насмешливого, иронического дьявольского газа!

Газ слез распространяется *мигом*, в одно мгновение ока, — в этом его техническое преимущество перед газом смеха, — он заражает целую армию сразу, в одну сотую часть секунды. Он ударяет по глазам, как бичом, — и через полсекунды сотни тысяч людей режут, голосят, рыдают, и обильно льются слезы, — люди изнемогают от слез; в ту как раз секунду, когда они в изнеможении падают на землю, их настигает настоящий газ, удушливый.

Так же действует и чихательный газ.

Хохот, плач и чих могут продолжаться *непрерывно* в течение более суток.

Иперит гораздо гуманнее удушливого газа и его «подготовительных» собратьев. Иперит самый гуманный из всех газов. Иперит не убивает. Иперит дает не более 1 ½ процента смертности. Иперит только калечит... Вы должны понять, конечно, что когда мы говорим: 1 ½ проц. смертности, то это значит 1 ½ проц. тут же на месте, сейчас же, немедленно, непосредственно, — смертность от *последствий* отравления иперитом другое дело, в счет не входит. Вы сами понимаете, что если бы мы включили в счет и смертность от последствий, то не получили бы такой кругленькой, приятненькой циферки: полтора. За эти 1 ½ процента с жадностью ухватились гаагские профессора, старички, нобелевские лауреаты, которые так любят гуманность — гуманность в процессе массового истребления человечества. Эти добрые старички, которым от души жаль истребляемое человечество, ухватились, как утопающий за соломинку, за эту циферку: 1 ½ процента умирают, 97% искалечены, исковерканы, лишены работоспособности на всю жизнь. Что может быть гуманнее?..

Иперит в 1 ½ раза тяжелее воздуха (роковая эта цифра — 1 ½). Он падает на землю сверху вниз, дождем. Простая операция: сгущают газ в жидкость, бак с жидкостью (бак — 10 тонн) приделывается к аэроплану снизу. Открывается кран бака. Аэроплан летит, иперит льется тонкой струйкой, поливает землю — леса, поля, дороги, города, селенья. Капельки иперита попадают в дома через дымовые трубы, через открытые окна, через вентиляцию. Капельки попадают на шляпы, на одежду, на руки, на лица людей, которые ходят ночью по улицам. Капельки попадают на крыши домов, на телеграфные столбы и провода. Кран — с сеточкой конусообразной, струя широкая — сеет ка-

пельки густо. Аэроплан мчится со сказочной быстротой, — небольшая французская эскадрилья может в течение одной ночи заразить всю Германию.

Вы встаете рано утром, выглядываете в окно, — да, думаете вы про себя, еще очень рано, еще — роса. Вы не понимаете, вы не знаете, что роса эта — иперит... И что это за странный запах? Как будто горчицей пахнет... Нет, это показалось. Вот уже и росы нет. Солнце светит ярко... Вы забыли уже про горчичный странный запах. Ну, конечно, это вам только показалось, — ерунда. И вы начинаете жить — как будто ничего не случилось. Вы не знаете, что вы уже убиты. Да, милостивый государь, вы уже убиты. Вы умрете через 3-4 месяца — и вас не включат в статистику, — для успокоения нервов гаагских выживающих из ума старичков, вас не включат в статистику, чтобы вы не испортили циферки... Вы звоните по телефону Луизе, вы болтаете всякий веселый вздор, Луиза (она уже тоже убита) сегодня в прекрасном настроении. Как ты спала, Луиза? Что тебе снилось? У меня в комнате много, много цветов, — сирень и ландыши. Я вчера вечером, поздно ночью (как раз когда летали над городом аэропланы, разбрызгивая иперит) играла Бетховена «Souvenir a Elise»... Что? Да!.. Итак, мы встретимся вечером, в 7 часов...

Но в семь часов вечера вы уже не встретитесь с Луизой. В семь часов вечера вы уже начнете умирать.

В семь часов вечера вы ослепнете. Это случится совершенно неожиданно, вдруг. Вы будете сидеть в своем кабинете в удобном мягком кожаном кресле и читать книгу, и вдруг посередине слова, посередине слога, — вдруг, мгновенно наступит тьма. Что за ерунда? Что случилось?.. но проходит за миг, — целая вечность, — целая прошла уже секунда — и все тьма.

Вас охватывает панический страх и все нарастает, нарастает страх. Иступление, отчаяние, ужас. Но вы способны еще мыслить. Первая ваша мысль, острая, как сталь, — солнце погасло. Кончилась жизнь. Вселенная... А вторая мысль: нет, солнце не погасло, — это я ослеп.. Ваши глаза закрыты, — плотно, крепко, жестко закрыты, вы не можете их открыть. Вы напрягаете всю силу своей воли, — ну, что же это, — почему я не могу открыть глаза?.. Потом вы начинаете говорить (человек есть животное общественное). Говорить, звать, спрашивать...

Но это все ничего. Через 3-4 дня вы вновь прозреете. И знакомый доктор объяснит вам, что вы вовсе не ослепли, — это вовсе не была слепота, это было чисто психическое явление — светобоязнь. У него, у знакомого доктора, было точь-в-точь то же самое. Это было что-то странное, — у многих, почти у всех, — у всех людей в этом городе, — вдруг — светобоязнь. И через 3-4 дня — у всех прошло. Прошла светобоязнь, но не прошел страх. Вдруг это повторится? Каждое мгновение опасно, каждый шаг опасен, каждое движение опасно. Страх парализует. Уже вы не можете больше работать, думать, кушать, спать, жить — вы в панике. Весь этот город в панике... Что-то случилось, что-то произошло кошмарное, — но что именно? Больше всего мучает вас неизвестность, незнание, непонимание. Вы чувствуете себя во власти роковых каких-то, сверхчеловеческих, потусторонних сил. Вы — игрушка в руках каких-то неведомых, невидимых гигантов. Вы знаете, как поступают с игрушкой? Выламывают ручки, ножки, протыкают булавочкой глазки... И вот, вся ваша жизнь, — казалось, такая умная и значительная жизнь — вся ваша жизнь — сон, приснившийся какому-то богу или дьяволу. Или, может быть,

это вам приснился сон, будто вы живете на земле?

Люди теряют чувство реальности — вот первое, самое важное психическое последствие иперита. Вместо чувства реальности — чувство кошмара. Эпидемия самоубийств — вот первое последствие иперита.

А потом начинаются заболевания. Заболевают все без исключения, — один за другим, один за другим, — спасения нет. Человеческое тело покрывается белыми пятнами, струпиями — проказа. Потом между белыми струпиями появляются красные пузыри, волдыри, — красные, налитые кровью, величиной с человеческий кулак. Такие же струпия-волдыри появляются *внутри* человеческого тела. В желудке. В кишках. На печени. На легких...

— Это излечимо?—спросил я.

— Не знаю, — ответил профессор. — Вопрос об излечимости или неизлечимости нас, химиков, не интересует. — И он засмеялся добрым, стариковским, мягким, шамкающим смехом.

Земля, орошенная иперитом, сохраняет в себе заразу в течение 3-4-х месяцев. Окончательно «очищается» земля только через полгода.

Но самое страшное в иперите — не то, что он поражает людей, а то, что он поражает человеческие вещи. От иперита ржавеют металлы, теряют свою уверенность и упругость, расслабляются. Вянет железо. Сталь становится вялой. Ткани — все, какие только есть на теле, — всасывают в себя иперит из воздуха, пропитываются насквозь иперитом, становятся очагом заразы. Первое, что должны сделать жители пораженной иперитом страны, это — сжечь все, какие только есть у них ткани. Сбросить с себя, сжечь все одежды. Чтобы остался голый человек на голой земле. На голой земле, на которой не произрастает ничего, кроме

язв и мора... Иперит поражает хлеб человеческий. Животные умирают. Камень размягчается. Вся эта ваша культурно-цивилизированная жизнь — телефон, телеграф, железные дороги, промышленность — фабрики, заводы, шахты, копи — все, все уничтожено, разрушено, перестало существовать. Ведь жизнь человека на земле — жизнь человека, как она есть сейчас — невозможна без металлов и тканей... Тут вы должны остановиться и вдуматься хорошенько... Жизнь без металлов и тканей — ведь это же значит возврат к каменному веку...

И вот, представьте себе, если вы спросите профессора — химика, полководца, военачальника, истребителя, — как же спастись от иперита, как уйти, как убежать, как остеречься и как бороться, — он ответит вам:

— Возврат к каменному веку — вот единственное.

Человечество погибнет от иперита, если оно не отречется от культуры и цивилизации. Назад к первобытности — вот лозунг дня. Научиться жить по-звериному, разучиться жить по-человечески. В пещерах, в лесах, в дебрях... Но и этого мало. Слышите? — и этого мало. Надо пойти еще дальше назад, еще дальше, чем каменный век. В каменном веке человек-полузверь жил на земле, а в иперитовом веке придется человеку-зверю жить под землею — потому что земля — смерть. Из всех наших искусств — «искусств», ха-ха-ха... — из всех наших искусств оставим себе, запоем только одно: рыть землю, рыть траншею, зарываться в землю, уйти под землю — только под землю — спасение... Если вы хотите, вы можете тут остановиться и развить целую философию: шло и шло человечество все вперед и вперед — от каменного века до века пара и электричества, до века банков и социал-демокра-

тии, — и потом еще дальше, вперед — до века электронов и радия... Ведь кончился уже век пара и электричества; пар и электричество уже устарели, — начинается уже век электронов и радия. Начинается век чудес... И век банков и социал-демократии тоже кончается, начинается век революции... Да, да, — все это так... И мы создали такую мощную человеческую науку и такое великое человеческое искусство, — мы, человечество. Достоевский и Бетховен. Гёте и Эдиссон... И вот, уже скоро-скоро, объединится земля с Марсом, — мы расширим до беспредельности пределы жизни нашей земной. Мы вознесемся на выси надземные, и перед нами откроются дали надзвездные, и мы ощутим бесконечность... Но — вдруг... изобретен иперит... Его изобрел — знаете, кто? Ну, какой-то там фармацевтик, какой-то человечешка маленький, никому не известный, — ведь имя его никому не известно, — потому что изобретение само по себе ничего не стоящее, маленькое, — ну, совсем, совсем малюсенькое, ничтожное изобретение — с чисто-научной точки зрения. Цианистый, углекислый газ, — скажите, пожалуйста, — простенькая, скучненькая формула. Углерод, азот, водород — самая обыкновенная, самая заурядная химическая ерунда переносит нас обратно из века электрона и радия в каменный век, — и еще дальше назад — куда? Назад к обезьяне? Нет, еще дальше... Может быть, мы дойдем назад до амебы...

Вот так вы можете себе философствовать, если вы хотите...

Но философствовать некогда. Философствовать уже больше не нужно. Довольно. Точка. Никогда уже никто не будет философствовать на этой земле. Потому, что на складах военных ведомств всех европейских стран хранятся уже десятки тысяч тонн иперита, —

несколько больше того количества, которое необходимо для истребления всего человечества. Нужно начать действовать. Уже. Сейчас. Сегодня. Немедленно. Сию же минуту. Сию же минуту — давайте, перейдем в первобытное состояние. Давайте, прежде всего, зажжем большой костер, — слышите. Всемирный, вселенский, всечеловеческий костер. Сожжем культуру. Эй, тащите сюда Леонардо-да-Винчи, Ренессанс, Толстого. Миллионы томов книг. Праксителя. Анатоля Франса. Дамские туфли на высоких каблуках, благовония Востока, всю эту утонченность и изящество, которыми мы так гордимся. Скрипку Страдивариуса — сюда же. Школы — все школы, какие есть на земле. Университеты. Хартию вольностей. Троны — какие еще остались троны. Все, все — сюда, на костер. Все сожжем, чтобы земной шар остался — круглый, гладкий, голый шар. Только лопаты оставим. Ничего нам отныне больше не нужно. Только лопаты. Зароемся в землю. Уйдем под землю... Если бы можно было еще на костер бросить солнце, — солнце нам тоже больше не нужно. Уйдем под землю... Простите, читатель, невольное лирическое отступление...

Практически: так как иперит имеется везде в огромных количествах, так как новая мировая война может вспыхнуть — никто не знает когда, так как в этой новой мировой войне (если она вспыхнет еще до окончательного усовершенствования газа, убивающего мгновенно) иперит будет играть доминирующую роль, то ясно, что уже сейчас должны быть приняты меры предосторожности. Во всех населенных центрах должны быть приняты меры предосторожности. Во всех населенных центрах должны быть устроены подземные противогазовые убежища, в убежищах этих должны быть устроены склады продовольствия — на 6

месяцев, но крайней мере (вы помните, что 6 месяцев требуется на «очищение земли» от заразы); под каждым городом должен быть построен еще один подземный город. Под Берлином — подземный Берлин. И под Парижем тоже подземный Париж — да, да. И уже сейчас, немедленно, с сегодняшнего дня люди должны начать обучаться искусству подземной жизни. Ведь это такое тяжелое искусство, — и если люди не научатся, не приучатся понемногу, если люди уйдут под землю сразу, без предварительной подготовки, они погибнут. Строить города подземные и учиться жить под землей — вот самая важная задача нашего сегодняшнего дня.

Может быть, вас удивляет следующее, на первый взгляд столь простое, обстоятельство:

Люди изобретают смертоносные газы — иперит, удушливый газ — фосген; фосген совершенствуется, уже есть вторая стадия фосгена — люизит, а третья стадия — усовершенствованный люизит — третья стадия и есть тот легкий газ ближайшего будущего, про который я рассказывал выше... Люди изобретают смертоносные газы. Изобрел недалекий фармацевт иперит, а венские ученые работают над фосгеном и люизитом. А нет ли — удивляетесь вы — такого недалекого фармацевта или такого великого ученого, который изобрел бы спасательный газ, жизненный газ, противогазовый газ? Ведь это тоже, вероятно, очень легко и очень просто. Нет ли такого газа, который нейтрализовал бы смертоносные газы? Нет ли, одним словом, противоядия?

Нет — ни такого фармацевта нет, ни такого профессора нет, ни такого противоядия нет. Что же есть? Противогазовые маски. Но эти противогазовые маски — ничто, нуль, меньше нуля — насмешка, по сравнению с газом... Оказывается, — мне сказал это старичок француз-химик, — существует в химии правило: противоядие всегда гораздо слабее, во много тысяч раз слабее, чем соответствующий яд. Чем это объясняется? Почему это так? Старичок-профессор не мог мне объяснить, почему это так. Он сказал что-то такое, — что яд, видите ли, это — первичное изобретение, а противоядие — вторичное, что, когда вы изобретаете яд, вы совершенно свободны, ничем не связаны, ничем не ограничены, а когда вы изобретаете противоядие, вы связаны соответствующим ядом, — что, следовательно, с точки зрения науки, яд гораздо важнее — и гораздо интереснее, чем противоядие.

Я не совсем его понял, и его объяснение ничего, в сущности, мне не объяснило. Я понял только одно — или, может быть, мне кажется, что я понял: научный гений человечества безгранично силен, могуч, когда он разрушает, и совершенно почти бессилён, когда он спасает от разрушения... Вы понимаете меня?.. Разрушать или созидать, — но спасти от разрушения, противодействовать разрушению... Не знаю, — может быть, эта моя мысль объективно неверна, но мне так кажется. Во всяком случае, верен факт: противоядие всегда гораздо слабее яда. В области военной химии почти ничего «противоядного» не сделано. Лихорадочно работает научная мысль над ядами, — совершенствование ядов идет лихорадочно быстрым темпом вперед. От хлорного удушливого газа, через иприт и люизит — дальше, к газу 1929 г. и 1932-го года, — какой, с чисто научной точки зрения, славный путь!

А параллельно этому, на линии противоядий, никакого движения. В 1924-м году все та же примитивная противогазовая маска, придуманная в 1916 году...

И вот сейчас, в 1924 году, — сегодня, 30-го мая 1924 года, — мы стоим перед необходимостью немедленно, завтра же, уйти под землю — иначе мы погибли.

Самая важная, самая основная характерная черта новой мировой войны, мне кажется, вот такая:

Наступление необычайно облегчено, оборона необычайно затруднена. Успех наступления всегда заранее обеспечен — неуспеха быть не может. Оборона же заранее обречена на неудачу. Самое большее, что может дать оборона, это спасение чего-нибудь, каких-то клочков, каких-то обрывков, — спасение главного, основного невозможно. Нападающий страшно силен, обороняющийся бессилен, — нападающий имеет в своих руках яд, обороняющийся — противоядие. Нападающий победит. Обороняющийся, если не будет убит, будет искалечен. Побежденная страна будет опустошена. В конце концов, победа ли победа? Что даст победа победителю? Пустыня, усеянная трупами...

Мне хочется думать, что именно здесь, в этом пункте может быть найден выход, — по крайней мере, логический выход. Если победа ничего реального не дает, если победа не нужна, то зачем же нужна война? Если бессмысленна победа, то ведь бессмысленна и война...

И далее. Военная химия идет вперед гигантскими шагами. Уже сейчас определенно говорят о возможности истребления Берлина в течение каких-нибудь

3-4 часов. В течение 5-6 часов может быть истреблен Париж, в течение 6-7 часов — Лондон. И так далее. Но на этом — на этих скоростях — мы не останавливаемся, не намерены остановиться. Мы пойдем дальше. Процесс разрушения будет убыстряться все больше и больше. Мы научимся истреблять человечество со скоростью 165-ти километров в час. Мы убыстрим процесс до того, что вместо часов уже будут минуты. Тут совершенно очевидно, совершенно явственно мы идем к абсурду... И здесь опять, мне кажется, намечается возможность какого-то выхода. Абсурд, бессмыслица — война обессмысливается... Тут, мне хочется думать, есть ма-аленькое такое отверстие, сквозь которое светит нам какой-то луч надежды. Война идет к абсурду, к бессмыслице, к невозможности?..

Впрочем, простите — я обещал не делать никаких выводов.

Адольф Рифлинг.

Берлин—Вильмерсдорф.

30 мая 1924 г.

Приложения

ПРОСТАЯ ЖУТЬ

— Жуть?

— Да, жуть. И, поверите ли, простая. Совсем простая. Удивительно простая. Такой простой жутости и жуткой простоты человеческая история, уходящая глубокими тысячелетними корнями в седую глубину веков, не помнит. Не помнит.

— В чем дело? Какая такая жуть простоты и что за штука — простая жуть?

— Ответ так же прост, как просто все сущее, начиная с ни кем не виденного электрона и кончая чудовищной, необъятной, непостижимой вселенной. Жуть простая — это, ну, как вам сказать, сознание, что ли, того, что можно очень просто, слабым нажатием маленького, простенького, безобиднейшего, человечьи руками отточенного и глянцем покрытого рычажка — в несколько маленьких, простеньких, безобидных минут уничтожить все живое на всей планете нашей, которую мы привыкли издревле величать — землей. Простая жуть — это, это... ну, это ощущение колоссальной, сверхчеловеческой, немыслимой ничтожности, слабости, мизерности, жалкости человека, человека, всемогущий, великолепный гений которого изобрел эту небольшую, такую безобидную машинку, имеющую вот этот ничтожный рычажок, который стоит только нажать, как...

Это вот к чему. Неделю тому назад была — антиимпериалистическая неделя. Тысячные, стотысячные, миллионные массы людей, — людей, не имеющих ничего, кроме пары рук, продающих поденно эти руки — рабочие руки — во имя куска хлеба, полуголодного существования своих жен и детей, людей, которые сделали и создали все, но ничего не имеют, — выходили под кумачовыми знаменами на улицы всех городов мира, чтобы заявить:

— Мы не хотим войны.

— Если вы, властители и короли, министры и банкиры, депутаты и промышленники, затеете новую войну — мы вашу войну сделаем войной против вас.

Это было только неделю тому назад. Это было потому, что воздушная оболочка земли пересыщена электричеством войны, потому, что махонькая искорка может в любое мгновение вызвать ошеломляющий безумный разряд. Это было потому, что господствующий класс, дни которого сочтены, хочет уйти в небытие с помпой, торжественно, под грохот невероятных орудий, под воздушные атаки бесчисленных самолетов, сбрасывающих на землю начиненные таинственными газами снаряды, под невидимыми лучами смерти, под вопли, стоны, стенания трудового человечества, тех, которым принадлежит будущее планеты нашей.

Безумствующий старик — империалистический мир — хочет умереть под дикуую музыку всечеловеческой смерти.

Удастся ли?

* * *

Немного в сторону. Дело происходит в горах Швейцарии. Там, где сосновые леса, водопады, озера, зеленые луга, снежные вершины, голубое небо. Там, куда съезжаются из всех стран Европы чахоточные, подагрики, эпилептики, неврастеники, скучающие люди, профессора, рантье, министры, лавочники, фабриканты, кокотки, девушки из «общества», генералы, отставные короли и корольки, журналисты, авантюристы и просто ловкие дельцы, любители «мутной водицы».

В числе жителей одного высоко-фешенебельного пансиона в горах Швейцарии — старенький, дряхлый профессор-француз и немец-журналист, немного либерал, немного «революционер», а в общем так себе — либеральная жижица на социалистическом киселе. Немец этот, Адольф Рифлинг, тот самый, который поместил в № 2 журнала «Россия» (сменовеховский толстенький журналчик кающихся лежневых и лежневят, выходящий в Москве) статью, очень примечательную — «Новая мировая война».

В статье этой Адольф Рифлинг повествует о своей встрече со стареньким французским профессором:

«Это был до того глубокий старик, что он стал уже смешон от старости. Он уже из старика превратился в карикатуру на старика... Но, несмотря ни на что, это — очень живой, болтливый и веселый человечек. Больше всего в жизни любит он девушек, танцы, вино, хохот, — сам хохочет до упаду, — часами, не отрываясь, следит за танцами на веранде, — неискусные, неискусшенные дачные фокстроты и ту-степы... Милый старичок... Оказалось, что он — химик.»

Адольф Рифлинг повествует о своем разговоре с этим стариком, профессором, химиком. Веселенький разговор. Разговор — лекция по военной химии. Ста-

ричок уже не старичок, а —

«— Что — Фош и эти прославленные наши маршалы, — воскликнул он. — Вот мы вам покажем. Это будет настоящая война с настоящими ужасами. Мы будем убивать по одному миллиону человек в час, — ха, ха, ха...»

Вот рассказ старика-профессора, который обещает «настоящие ужасы». Мы его приводим в нетронutom виде. Лишь слегка сократив. Слушайте.

* * *

— «Новая мировая война будет отличаться от старой мировой войны тем, что она будет происходить не на фронте, а в тылу. Это, если хотите, огромное преимущество новой войны над старой. Потому что на фронтах, как известно, всегда скопляются самые здоровые, крепкие, сильные, самые работоспособные, самые нужные для жизни люди. Тыл это с военной точки зрения хлам. Старики, женщины, дети, больные. Старая война убивала лучших, наиболее пригодных, наиболее нужных; новая война будет истреблять человеческий хлам... Как видите, блеск гуманности. Дальше вы увидите, что здесь, вообще, гуманности очень много, хоть отбавляй...

Человек есть животное консервативное. Ум человеческий, столь гибкий подчас в житейских мелочах — и особенно в самых мелких из этих мелочей — в политике, — становится твердокаменным, тупым и жестоким, как скала, когда дело доходит до большого, серьезного, важного. И еще во сто крат твердокаменнее, тупее и жестче, когда дело доходит до грандиоз-

ного, мирового. Поэтому и только поэтому — никаких более разумных причин и целей здесь нет, — только потому, что мы, консерваторы, держимся цепко за старое, не умеем приспособляться к новому, только потому государства Европы продолжают еще до сих пор строить дредноуты и сверхдредноуты, строить дальнобойные орудия — и тому подобную ненужную чушь. Армии, дредноуты, пушки уже не нужны. В новой мировой войне армии никакой роли не будут играть. На фронтах не будет ни одного выстрела. Армия ваша вернется с фронта в тыл (после того, как этот тыл будет совершенно уничтожен) цела и невредима. Ни одного убитого и ни одного раненого, — ха, ха, ха... Гуманно? Ну, еще бы...»

Теперь немножко бахвальства профессорского.

«Новая мировая война будет войной профессоров против женщин, детей, стариков и старух, больных и калек... Профессор вытесняет генерала?...»

Вас интересует, что будет представлять новая война? Профессор веселый удовлетворит ваше любопытство. Вот.

«Как будет проходить мировая война?

Вот как.

Будет весенняя ночь, — вот, как сейчас. Из Парижа в Берлин вылетит воздушная эскадрилья. Несколько сот аэропланов. К утру эскадрилья вернется в Париж. А Берлина уже — к утру — не будет...

Берлина не будет... То есть, Берлин будет. Берлин останется в полной неприкосновенности. Берлин останется — весь целиком, как он есть. Дома, улицы, площади — и этот ваш знаменитый Тиргартен (великолепный парк, надо вам отдать справедливость) и эта ваша знаменитая (безвкусная, бездарная) Аллея Победы — и... вообще, все, что есть и Берлине и что есть

Берлин, — все, все останется на своем месте. Потому что — прошу вас заметить — военная химия не разрушает, а только уничтожает... Опять, — прошу вас заметить, — гуманность: произведения человеческого гения останутся неприкосновенными!.. будут уничтожены только люди. — Ну, и животные, конечно, — и растения. Зелень (ваш Берлин утопает в зелени) станет серой, — совершенно серой, как камень. Ну, и люди умрут. Все... я и говорю: уничтожение, но не разрушение.

Уничтожение Берлина будет продолжаться не более 3-4-х часов... Это опять одна из характернейших черт будущей войны. Краткость, лаконичность, быстрота. Прошлая война продолжалась четыре года, будущая война будет продолжаться не более десяти дней. Потому, что в десять дней мы можем истребить пол-Европы. Ведь вот посмотрите: если в течение 3-4-х часов можно уничтожить весь Берлин, то сколько времени потребуется на Гамбург, на Франкфурт, на Лейпциг, на Дрезден, на Мюнхен?.. Скажем, неделю на всю Германию, — а потом 3-4 дня на союзников Германии.

Смерть будет очень тихая... Опять шаг вперед. Сверхчеловеческий грохот прошлой войны и абсолютная, немного торжественная, храмовая тишина новой войны... Смерть будет мгновенная. Смерть будет изящная... Тишина, мгновенность и изящество смерти — гуманность...

Бомбочки, начиненные ядовитыми газами, — небольшие, овальной формы, серебристого цвета, шелковистые такие бомбочки, — точь-в-точь такие, как в витринах кондитерских перед Пасхой выставляются, — белые, шелковые, перевязанные розовыми шелковыми ленточками яйца-бомбоньерки. Если хотите, можно эти бомбы тоже перевязывать розовыми ленточками. Я думаю, что правильнее называть их не бомбочками,

а бомбоньерками. Они не взрываются, не лопаются, — они вскрываются. Они вскрываются изящно и нежно. Так как включенные в эти шелковистые-серебристые оболочки газы легче воздуха, то бомбоньерки не падают стремглав вниз, а носятся в воздухе, как птицы, и спускаются все ниже, ниже к земле, — бесшумно крадучись, — они плывут по воздуху. Они раскрываются и падают. Газ не имеет никакого цвета, никакого вкуса, никакого запаха. В нем нет абсолютно ничего неприятного. Абсолютно никакой навязчивости. Он не лезет нахально в ноздри, в ваш рот, в ваши легкие. Нет. Вы вдыхаете его легко, свободно, естественно, без всякого абсолютно — напряжения, точь-в-точь так же, как вы вдыхаете воздух... Вы умираете без агонии. Разве это не гуманно?..

Но эта изящная картина, которую я здесь перед вами нарисовал, есть картинка будущего. Ближайшего будущего. Самого ближайшего будущего. К 1932-му году все это уже будет готово. К 1929 году будет выполнено более 60 процентов задания. Сейчас, в настоящем, мы еще — на пороге... И тут я спешу оговориться: сейчас, в настоящем, нельзя еще сказать: армия и дредноуты уже обесмыслены, уже более не нужны — сейчас можно и надо сказать только: армия и дредноуты не могут уже играть той решающей роли, какую они играли в прошлой войне. Сейчас, в настоящем, — даже если война вспыхнет завтра, — решающую роль будет играть химия, газы».

Профессор кончил. Профессор смотрит на танцующие ту-степ пары, на седые вершины гор, на голубое

небо, на озера, похожие на небо.

* * *

Маленький, смешной, жалкенький французский профессор, который так любит смеяться, который так любит наблюдать за танцами, старенький профессор мог бы еще очень много рассказать. Старенький профессор мог бы рассказать и о том, до чего дойдет военный гений империализма в ближайшие десятилетия. Он, может быть, поведал бы о том, что если он, старенький профессор, может сейчас истреблять один миллион людей в час, то через десять лет он сможет истребить в одну минуту 100 миллионов людей. Он, может быть, даже пообещал бы вам, посмеиваясь добрым, хорошим смехом довольного собой и своим желудком человека («ха, ха, ха»), что через 12 лет можно будет со скоростью света (300.000 километров в секунду) уничтожить всю жизнь на земле, все города, селения, все воздвигнутое на, над и под землей.

Вы бы могли задать старенькому французскому химику вопрос:

— А что осталось бы на земле?

Старенький, смешной, веселый старикашка вам ничего бы не ответил. Ибо... ничего не осталось бы. Ибо это

— абсурд.

* * *

Ибо

— прежде, чем веселый старикашка («миллион в час, — ха, ха, ха») сможет развернуть во всю ширь свой разрушительный гений человеконенавистничества, миллионы, которые так хочет умертвить профессор—химик, скрутят ему голову.

Французский старикашка-профессор это империалистический мир в миниатюре. Империализм так же стар и поношен, он так же любит фокстроты и ту-степ, он так же обуян безумной болезнью человекоистребления.

Мир уходящий хочет, чтобы он был последним миром.

Простая жуть. Жуть простоты.

* * *

Что будет? Зайдите в ваш фабзавком или местком. Найдите секретаря ячейки Доброхима.

Он вам скажет.

НАВСТРЕЧУ НОВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Мировая, война закончившаяся Версальским и Сен-Жерменским договорами, не разрешила основных проблем, породивших эту исключительную человеческую бойню. Эти два пресловутых мирных (в кавычках) договора создали столько новых и вечно старых противоречий между капиталистическими странами, что капиталистический мир снова стоит перед угрозой новых мировых войн и новых вооруженных схваток.

Десять лет тому назад, когда буржуазия начала мировую войну, она при помощи буржуазной прессы, при помощи социалистов второго Желтого Интернационала на всех перекрестках кричала, что начатая война — есть война за «священные права и цивилизацию народов, попранные варварским сапогом немецкого юнкера» и что с победой немецких Гогенцоллернов в мире больше никаких угроз к войне не будет. Настоящая война есть последняя война в истории народов и т. д. И во имя «спасения цивилизации народов от немецкого варварства» под ружье были поставлены миллионы трудового народа и не только Европа, но и весь мир были втянуты в эту кровавую бойню, и в результате четырех лет Европа была превращена в сплошное пожарище и пепелище, миллионы убитых и миллионы калеченных получило человечество в награду от войны и дополнительно к этому — нищете, голод, безработицу и увеличение налогов, и, наконец,

иллюзия о последней войне оказалась миражом и пустой болтовней буржуазных идеологов и социал-предателей — мир находится на пути к новым войнам.

Во имя чего же затеяна была эта исключительная бойня, нанеся столь непоправимые несчастья человечеству? Зияющие раны, памятники разрушения культуры, горы трупов, миллионы вдов и сирот, миллионы инвалидов на костылях. Покрывши мировое пространство нашей земли, они развеяли дурман иллюзии и о последней войне «за священные права народов и за цивилизацию» от варварства высокомерных Гогенцоллернов. Испытания военных бедствий предстали пред уставшим человечеством в подлинном виде и народы увидели ложь и обман вместо защиты «священных прав и цивилизации народов». Война уничтожила достоинство человека и разгромила его культуру и нанесла цивилизации человечества такой сокрушительный удар, что мир еще долго не оправится и долго не восстановит нормального равновесия народного хозяйства, и еще дольше не выйдет из эпохи целого ряда войн.

Мы в настоящий момент отошли от мировой империалистической войны на значительное расстояние. 6 лет нас отделяет от разразившейся над миром катастрофы, больше того — мы нарушили общие основы мирового равновесия, сбросили капитализм вместе с войной в мусорный ящик и торжественно известили народы мира, что на месте бывшей царской России, вместо России Романовых, явилось, растет и крепнет новое государство пролетариата и беднейшего крестьянства и эти бывшие рабы Романовых и российского капитализма выходят из империалистической войны и больше никогда в нее не будут втянуты и объявляют войну зловреднейшему микробу войн «ка-

питализму», войну беспощадную, ибо он в недрах своих природных классовых противоречий создает предпосылку для вооруженных конфликтов между народами, он питает тысячи других капиталистических возбудителей, работающих над изобретениями смертоносных орудий войны; он ввергает ничем неповинные народы в кровавые боины.

Изучая историю и причины возникновения империалистической мировой войны, мы, рабочие, вскрыли ее подлинные причины и как они оказались далеки от защиты «священных прав и защиты цивилизации народов». Изучивши историю возникновения войны, а равно и экономику, породившую основные предпосылки к мировой войне, находим, что основными причинами явилась борьба мирового капитализма за обладание и передел рынков сбыта и источников сырья. Английская буржуазия стояла перед угрозой конкуренции германской промышленности, которая за последние 20-30 лет до войны делала огромный прогресс и проявила чрезвычайную предприимчивость. Развивающаяся германская промышленность к моменту возникновения мировой войны становилась монополистом мировых рынков химических средств и машиностроения, это ставило угрозу английскому капитализму потерять свое влияние на мировых рынках или быть совершенно вышибленным. Французская буржуазия, таив давнишнюю злобу к своей соседке (Германии), претендовала на саарский уголь и крупнейшую в мире химическую и железо-делательную промышленность. Молодая хищница, страна мощного промышленно-развитого капитализма, открыто претендовала на мировую гегемонию, она еще с времен Бисмарка строила грандиозные планы утверждения своего владычества на всех трех материках земного шара и

заявляла о переделе мировых рынков и этим поставила себя во враждебное отношение с великими капиталистическими державами.

Америка, страна классической демократии, до мировой войны не выступала на Европейском материке и, следовательно, держалась в стороне от вооруженных конфликтов по тем причинам, что она в своем промышленном развитии до мировой войны не имела рыночной конкуренции. Широта потребности американского рынка предоставляла возможность неограниченного сбыта готовых изделий и, как говорят, и совершенно справедливо, «что Америка в течение всего XIX столетия жила за счет американского рынка». Мировая война вызвала в своем прожорливом потреблении и ускорила прогресс роста американской промышленности, и американский капитализм, встретившись с чрезвычайным ростом промышленности, увидел, что он не может быть безучастным в мировом переделе рынков, так как с окончанием войны американская промышленность, в значительной части работавшая на вооружение союзников «Антанты», снабжавшая их средствами войны до обмундирования включительно, несомненно, встретится с кризисом сбыта и бездеятельностью капиталов — это было основной причиной вступления Америки в войну и, таким образом, вооруженное столкновение, начавшееся в Европе, не могло не превратиться в большую мировую войну всех трех материков: Европы, Азии и Америки. Вот подлинность «защиты священных прав цивилизации народов» вместо иллюзий о последней войне.

И настоящая обстановка международных отношений, несмотря на то, что последняя хищница капитализма (Германия) разгромлена, Гогенцоллернов нет,

от них осталось только одно воспоминание, сильнейшие армии этих двух основных европейских держав капитализма «Германия и Австро-Венгрия» разоружены, политически и экономически эти страны уничтожены, думалось: все сбылось как по писаному; война против немецкого варварства действительно была последней войной и с победой капитализма западной и восточной Европы над центральной Европой принесет мир народам и, как это ни странно, трудящиеся народы снова стоят перед угрозой новой мировой войны и снова «сказка про белого бычка», снова противоречия внутри капитализма обострились. Все резче и больше обнаруживается противоречий между английским и французским капитализмом и эти противоречия происходят над трупом побежденной Германии, они не могут поделить свою жертву. Не менее остро стоит вопрос между Англией и Америкой за великие морские пути и владычество в морях, этот конфликт не лишает возможности разгореться вновь новой войне. Кроме того, демократическая Америка серьезно боится усиления Англии и Франции за счет Германии, она основательно опасается встречной конкуренции в будущем, вместе с тем отношения между Японией и Америкой за тихоокеанское владычество настолько продолжают быть натянутыми, что между заокеанскими хищницами война неизбежна, не мы этому являемся пророками, а об этом открыто заявляет сама буржуазия и ее сановные политики и вожди. Недавно появившаяся к русскому переводу книжка, принадлежащая перу виднейшего японского публициста генерала «Сито» в японском издании, прямо она озаглавлена «Неизбежность японо-американской войны». Заглавие книжки и авторитет ее автора без комментариев говорят сами за себя, а последний закон

Американской республики, запрещающий эмиграцию японцев в Америку является лучшим показателем японско-американских взаимоотношений, все говорит за то, что война нависла над капиталистическим миром и новая война за новый передел рынков, за хлопок, железо, каучук, уголь и нефть, за мировое монопольное владычество сильнейших.

Новая мировая война будет отличаться ужаснейшими орудиями смерти и разрушениями человеческой культуры, перед новыми орудиями войны чудовищные машины прошлой войны затмеваются, эта война будет войной поголовного уничтожения человеческого общества, ибо в этой войне будет применено последнее слово варварства — химия. Химические средства, обладающие ядовитейшими свойствами, уничтожающие на своем пути не только людей, но и всю окружающую природу растительного и животного мира. Новая война химических средств будет отличаться еще и тем, что она будет происходить в глубоком тылу и не будет иметь позиций укрепленного фронта, где сражались бы действующие армии. Химическая война направлена против всего народа и всего культурного человечества.

Капиталистический мир готовит химическую гильотину человеческому обществу, в этом нет сомнения. Лучшие умы научной мысли Европы и Америки в химических лабораториях в глубокой тайне, затаив дыхание, с одними мыслями жажды захватов и убийства и овладения рынками изыскивают сильнейшие яды химических средств смерти и разрушения для будущей войны. В настоящее время нет ни одного журнала в мире, в котором бы значительная часть не была занята сведениями новых достижений, изобретений в области химических средств. Но то, что пишет-

ся для общественного мнения, надо полагать, является лишь незначительной частью всех изобретений в этой области, лучшие и сильнейшие средства несомненно составляют военный секрет и тайну, но уже это одно дает нам возможность сделать выводы, что будущая война, в которую будет вовлечено человечество — будет неслыханным испытанием.

Надо еще учесть и то обстоятельство, что достижения военной техники с открытием воздушного флота, при его колоссальной грузоподъемности придадут войне кошмарнейшую картину.

Представить себе на минуту обстоятельство: в одну прекрасную ночь, полную влаги и прохлады, из Парижа поднимается 2-3-х тысячная флотилия аэропланов, нагруженная сильнейшими химическими отравляющими веществами и направляется на Лондон или Берлин. Витая на недоступной высоте для артиллерийского огня, эскадрилья аэропланов начнет метать химические аэробомбы в мирный город и мирно живущий город в несколько минут покроется жидкостью и удушливыми газами, проникающими в жилище и люди начинают в корчах и в предсмертных судорогах вымирать поголовно. Эта возможность вполне может быть реальной и осуществимой, ибо аэропланы новейших систем могут держаться в воздухе от 42 до 46 часов без спуска, быстрота полета равна около 500 километров в час, следовательно, за 42 часа они смогут покрыть расстояние 21.000 километров, т. е. около 18.000 верст. Грузоподъемность аэроплана достигает до 500 пудов; если представите, что вылетевшая эскадрилья в 2.000 аэропланов может взять химических начиненных бомб весом по 260 пуд. каждая — то общий вес получим до одного миллиона пудов, при этом надо учесть ядовитость химических средств,

которыми будут начинены «аэробомбы». Американцы писали об одном яде, так называемом по химической формуле «люизите». Этот яд, по словам американцев, в отравляющей силе немного посильнее горчичного газа, а горчичный газ, как известно из последней войны, был королем всех газов, и гораздо слабее производит ожоги тела, так вот этот газ, пишут американцы, смертелен в самых ничтожных дозах для человеческого организма, что 150 тоннами, т. е. около 9.150 пудов можно отравить половину германского населения. После этого можно себе представить, что если страна имеет 2.000 самолетов и один миллион химического газа «люизита» или «горчичного газа», она свободно может в одну ночь отравить всю Европу.

Горчичный газ недаром назван «королем всех химических газов» в прошлой войне, но наука открыла сильнейшие вещества, чем сам король газов «горчичный газ», это один из стойких и медленно испаряющихся газов и его действие, как указывают американцы, начинается только спустя 6-8 часов на человеке, здоровый на вид человек, дышавший ядовитым запахом этого яда, вдруг умирает, а если доза не вполне достаточна, немедленно теряет зрение. Правда, это действие слепоты носит временный характер. Ничтожное количество горчичного газа, попавшего на кожу, вызывает ожоги, нарывы, а впоследствии раны, обыкновенная одежда не спасает от него, не выдерживают даже конские копыта.

Горчичный газ в сущности представляет собой тяжелую жидкость. Выпущенный горчичный яд с аэропланов в виде начиненных аэробомб над городом, течет по улицам ручьями, от разрыва аэробомбы забрызгиваются крыши, стены домов, травит их, и население впадает в смертельную панику. Случайно уцелевшие

районы очутятся отрезанными от целого мира на очень длительное время, т. к. газ имеет свойство слишком медленного испарения и только в сухую погоду территория обезвреживается через 12-14 суток, в сырую погоду он держится до 20-23 суток. Но есть опасность и других не менее вредных для человечества средств, которые аэропланы могут заносить в глубокий тыл с одинаковым успехом, аэробомбы могут быть начинены химическим составом «бацилл», распространяющих эпидемии, холеру, тиф и чуму, этими аэробомбами аэропланы могут заражать воду, пищу и превращать огромные территории страны в сплошной очаг свирепствующей заразы.

Главная задача воздушных хищников с химическими аэробомбами в тыловых операциях это то, чтобы обессилить тыл, учинить панику и разрушения и подорвать снабжение армии. Кроме того, тыл является лучшим и менее опасным местом применения воздушно-химической атаки, ибо для армии и морского флота они не столь разительны в силу того, что армия и флот снабжены дальнобойными зенитными орудиями, могущими вогнать аэроплан в высоту до 30.000 фут. С такой высоты и большая точка прицела делается для попадания прямо невероятной.

Все это ставит перед государством настоящую работу о химическом просвещении народа и химической обороне страны — несмотря на все эти ужаснейшие яды и газы наука одновременно открывает и противоядия в виде масок, респираторов и специально предохранительной одежды, надо во что бы то ни стало научить население крупнейших промышленных центров ими пользоваться. Партия и профессиональные союзы через широкую сеть культурно-просветительной работы должны понести химические знания

в массу рабочего и крестьянского населения.

Задачей революционного пролетариата всех стран является упорная война против капитализма, ибо только с уничтожением капитализма будут сданы в архив истории все эти ужасные испытания человечества в войнах — и только мировая коммунистическая революция принесет человечеству прочный мир.

КОММЕНТАРИИ

Идея объединения в одном сборнике текстов «Рена Т. Марка» и «Адольфа Рифлинга» была впервые высказана на одном из форумов сайта *Лаборатория фантастики* и показалась нам весьма здравой: эти произведения объединяет не только время написания, фантастические элементы и общая направленность коммунистической агитации, но и то, что оба они были приписаны фиктивным «немецким» авторам. К предложенному сборнику нами были добавлены некоторые приложения, касающиеся «Новой мировой войны» А. Рифлинга.

Рен Т. Марк. Месс-Менд – вождь германской Чека

Немецкое изд.: Marc Ren T. *Mess Mend, der Leiter der deutschen Tscheka*. Wien: Moderner Verlag; Berlin: Neuer deutscher Verlag. 1925. На русском яз. впервые: М.: Изд. «Огонек» Мосполиграфа, 1925 (Б-ка «Огонек», № 17).

Публикуется по московскому изд. Книга была возвращена читателям А. Лапудевым.

Псевдоним автора был образован от «рентенмарки» – переходной денежной единицы Германии в период гиперинфляции – и соотносился с «Джимом Долларом», псевдонимом, использованным М. Шагинян в «Месс-Менде».

Под этим псевдонимом скрывался австрийский коммунист Курт Ландау (1903-1937). Он родился в семье венского виноторговца, учился в Вене, в 1921-26 гг. состоял в австрийской коммунистической партии. Был сторонником Л. Троцкого и одним из ключевых оппонентов зарождающегося сталинизма. В 1927 г. Ландау и его приверженцы были исклю-

чены из партии; в том же году он опубликовал кн. «Сущность и история анархо-коммунизма в Австрии». С 1929 г. жил в Берлине, с 1933 – в Париже. Осенью 1936 отправился с женой Катей Ландау в Испанию, где работал на ПОУМ; в частности, сотрудничал в партийной газете *La Batalla* и вел радиопередачи на нем. языке. В конце сентября 1937 г. был похищен в Барселоне и бесследно исчез; как предполагается, был похищен агентами НКВД либо их сообщниками из немецких коммунистов и замучен до смерти.

Фантастический памфлет «Месс-Менд – вождь германской Чека» был связан с получившим большую огласку в Германии в 1924-25 гг. процессом т. наз. «германской Чека» (террористической организации коммунистов). Ключевыми фигурами на процессе были упомянутый в тексте Ф. Нейман (Нойман), убийца заподозренного коммунистами в шпионаже берлинского парикмахера И. Рауша, и советский агент Скоблевский-Горев (В. Розе), с 1923 г. года нелегально работавший в Германии. Подсудимые обвинялись в создании террористической группы, подготовке покушений на политических и военных лидеров Германии и т.д. Процесс, «ставший впечатляющим доказательством подрывной работы Коминтерна и ОГПУ в странах Европы» (В. Исаев), явился для советских властей источником большого конфуза и замешательства и выявил серьезный разрыв в действиях различных ведомств. Главные подсудимые были приговорены к смертной казни; после долгих переговоров Скоблевский был освобожден в обмен на немецких студентов, арестованных в Москве в 1924 г. (вероятно, в рамках провокации ОГПУ) и также приговоренных к смертной казни.

Интересна дальнейшая судьба «героев» процесса. Красный командир В. Розе (1897-1939), один из организаторов провальной германской революции 1923 г. и террористической группы «Т» Ноймана дослужился до кобрига, с 1934 г. возглавлял военизированную охрану Главного управления Гражданского воздушного флота, был арестован в 1938 и расстрелян в 1939 г. Нойман (р. 1889) после неоднократ-

ного смягчения приговора в 1928 г. бежал из тюрьмы, тогда же примкнул к нацистам. В 1930 был помилован, официально вступил в НСДАП, где считался ценным пропагандистом и «одаренным оратором». Возглавлял одно из территориальных отделений партии, позднее работал в нацистском «Германском трудовом фронте»; после 1943 его следы теряются.

Памфлет К. Ландау может показаться бесшабашной пародией на роман М. Шагинян и безудержным полетом авторской фантазии, однако некоторые его детали восходят к процессу «германской ЧК». Так, на суде Нойман – желая, возможно, убедить судей и прессу в своей умственной неполноценности – рассказывал о планах использования зараженных смертоносными бациллами кроликов и т.п.

А. Рифлинг. Новая мировая война

Впервые в журн. *Россия*, № 2, 1924. Публикуется по отдельному изданию: Л.-М., изд. Л. Д. Френкель, 1925.

Приводим биографические сведения об авторе, собранные В. Окуловым:

Адольф Григорьевич Меньшой (наст. фамилия Гай), советский журналист и дипломат (1893, м. Ивенец, Минской губ. – начало 1938). Еврей, образование среднее, в юности уехал в САСШ (вслед за отцом). Учился (недолго) в Бостонском университете, работал на заводе. В 1913 г. вступил в Американскую соцпартию, работал в парт. журнале, там познакомился с Бухариным и Троцким. В Россию приехал в 1918, стал членом РКП(б). Работал в РОСТА (1919-1920), был зав. отделом в «Правде», заведовал отделом печати Коминтерна. Работал в НКВД (был посланником, секретарем наркоминдела). Но в 1926 г. был арестован, «получил срок» в десять лет. На Соловках провел семь, был по амнистии осво-

божден в 1933 г. Жил в провинции, с 1935 г. – в Омске. В 1936-м вновь был арестован, 7 февраля 1937 года приговорен к пяти годам ИТЛ. Погиб в лагере (умер от цинги). В начале 20-х М. был известным парт. деятелем, в 1918-1925 гг. опубликовал с десяток книг публицистики, в том числе – «Итоги мировой бойни» (1919). В середине двадцатых годов сотрудничал со «сменовеховским» журналом «Россия» (под тремя псевдонимами).

Текст «Адольфа Рифлинга» пришелся «ко двору» в связи с развернутой в Советском Союзе кампанией военно-химической подготовки и организацией Общества друзей химической обороны и промышленности (Доброхим, позднее Авиахим) в мае 1924 г. В том же 1924 г. под названием «Война будущего» он был переиздан в составе «Б-ки “Огонек”» (№ 2) и под исходным заглавием – в доброхимовском сб. «Навстречу новой мировой войне» (см. ниже). Однако, как свидетельствует авторское предисловие к изданию 1925 г. и художественно отшлифованный, полный аллюзий текст со своеобразной философией развития военного дела и лирико-экспрессионистическими описаниями, амбиции автора явно простирались много дальше обыкновенной «военно-химической» агитки.

Как и в случае Ландау, обращает на себя внимание сложная игра с псевдонимами и масками рассказчиков. Сочинение Ландау приписано «немецкому коммунистическому журналисту», тогда как рассказчиком выступает «фашист» Марк; Меньшой-Гай старательно рисует портрет фиктивного автора, гейдельбергского философа из «сочувствующих» коммунистическому движению, но тут же создает еще одну маску рассказчика – старенького французского профессора-химика (эта переадресация нарратива «враждебному» рассказчику придает повествованию ауру «достоверности»).

М. Гиндин. Простая жуть

Впервые: *Советская Сибирь*, 1924, № 182 (1424), 12 августа.
Публикуется по указанному изданию.

А. Корчагин. Навстречу новой мировой войне

Впервые в качестве вводной статьи в сб.: *На встречу новой мировой войне*: Сборник статей. Екатеринбург: Уральский областной Совет О-ва Друзей Химической Обороны и Химической Промышленности С.С.С.Р., 1924.

Публикуется по указанному изданию. Издательство выражает признательность А. Лапудеву за возможность ознакомиться с данным изданием.

Включенные в книгу тексты публикуются с исправлением очевидных опечаток и некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Слова, набранные в оригинале текста «Новая мировая война» разрядкой, для удобства чтения даны курсивом.

М. Фоменко

Оглавление

<i>Рен Т. Марк.</i> Месс-Менд – вождь германской Чека	5
<i>А. Рифлинг.</i> Новая мировая война	42
Приложения	
<i>М. Гиндин.</i> Простая жуть	77
<i>А. Корчагин.</i> Навстречу новой мировой войне	86
Комментарии	96

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.